18+

Земля моя ладанная

Стихи и рассказы

Ирина Вириитина

Ирина Константиновна Вириитина

Земля моя ладанная

Стихи и рассказы

Издательские решения
По лицензии Ridero
2026

УДК 82-1
ББК 84-5
В52

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Вириитина Ирина Константиновна
В52 Земля моя ладанная : Стихи и рассказы / Ирина Константиновна Вириитина. — [б. м.] : Издательские решения, 2026. — 188 с.
ISBN 978-5-0070-2937-7

Герои рассказов Ирины Вириитиной проходят все ступени становления личности: от светлых и трогательных историй детства в тяжёлой послевоенной реальности до выбора собственного жизненного пути и принятия осознанных решений зрелости. Сложности взросления, поиск своего места в мире, первая любовь и первые потери — простые истории о самом важном.

В сборник также вошли стихотворения: искренние, светлые, наполненные любовью к Родине, Богу и людям.

УДК 82-1
ББК 84-5

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Ирина Константиновна Вириитина, 2026
© Мария Фролова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-2937-7

Стихи

* * *

Молоком парным и хлебом
Пахнет Родина моя,
Васильково-синим небом
И ромашками маня.
Земляникой и морошкой,
Разной ягодой лесной.
И бревенчатым, с окошком
В ставнях, домом за спиной.
И отцом, и доброй мамой,
Дедом, бабушкой и мной.
И душой широкой самой,
И в мороз, и в летний зной.
И крестами на погостах.
И полынкой на холмах.
Мне моя страна по росту.
А другим на вырост. Ах!
Пусть по-разному толкуют.
А она всё ближе мне.
Я люблю её такую:
В ситце, штапеле и льне.

* * *

Когда мама пахла мамой,
Дом был шире и светлей,
Я была счастливой самой
На большой планете всей.
И полынь была высокой.
Гром весенний громче был.
И мохнатее осока.
И кудрявее ковыль.
Хлеб казался в поле выше.
И обильнее дожди
Через край лились на крыши.
А за ними радуг жди!
И по улицам, что реки,
Мчась ручьи вперегонки,
Забегали и в сусеки,
Заливали погребки.
Жизнь казалась слаще вдвое,
Словно яблочный пирог.
И солёней чьё-то горе.
И родимее порог.
В кружке тёплое, парное
Зорьки нашей молоко.
Это всё моё родное.
Это близко, далеко.
Лишь проснёшься — ниоткуда
Счастье, радость тут как тут,
Драгоценнейшее чудо
В сердце маленьком живут.

* * *

Окон голубые ставни.
Дощатые в доме полы.
И берег у речки дальний.
И белых берёз стволы.
И рапса жёлтое поле.
И сизый ковыль степной.
В степи жеребёнок вольно
Пасётся за сена копной.
Всё это мне с детства близко.
Всё это меня зовёт.
Всё это родное слишком.
Всё это во мне живёт.
А утром, лишь чуть светает,
И тени кругом ветвей
Деревьев, ты, Русь святая,
Становишься мне святей.

* * *

Для хроник — отдельный томик.
Стихам моим — разнообразия.
Пусть этот будет про домик
Саманный в Средней Азии.
Он был всех начал началом,
Уютной моей колыбелькой.
В нём мама меня качала,
Прижав к груди, на коленках.
И медленно что-то пела,
Чтоб я с молоком успела
Впитать в себя то далёко,
Впитать в себя так глубоко.
Луна же, играя в прятки
С оранжевым ореолом,
Раскосою азиаткой
Глядела над синим долом.
А солнце пряло рубаху
Свободному ветру, пряха.
Берёзам, ивам косы
И утренним травам росы.
Кипела кровь — не стыла.
Я слышала песнь акына,
И звуки ногайской плётки
В степи раздавались чётки.
Желания сбыточны — птицы
Безудержны, кто-то словно
Писал за меня страницы.
А время то вскачь, то ровно,
Ни с чем несоизмеримо,
Не зная плохой погоды,
Вплетало в судьбу незримо
И реки, и пароходы.

А в доме топилась печка.
И в доме горела свечка.
И было в нём так уютно:
И ночью, и днём, и утром.

* * *

Поредели в ноябре
На деревьях кроны.
На ветвях по три, по две
Каркают вороны.
Нет на грядках кабачков
Полчища ползучих.
Лишь трава лежит бочком
На компостной куче.
Возле сонных нынче дач
И полей чернильных
Косолапый ходит грач
В фраке чёрном, длинном.
И всё меньше на земле
Нынче ярких пятен.
Колошматит на стволе
Вяза пёстрый дятел.
Солнце катится быстрей
По багряной горке.
Провалился воробей
В лужу с хрусткой коркой.
И в тумане горьких слёз
Потонули крыши.
И привычный шум берёз
По утрам не слышен.

* * *

Выглянул солнца луч
И растопил снега.
Плавятся, что сургуч.
Двинулись — и ага!
Солнце им друг, не враг.
Звонко поёт капель.
Этот ручей в овраг.
Вот тебе и купель!
Этот ещё в пути
Мчится по улицам.
Вот над ручьём летишь
Будто бы курицей.
В марте зима всегда
Плачется. Хитрости —
Это её беда.
Солнце же цитрусом
Светит на блюдечке
С синей каёмочкой.
Ивы, что Людочки,
В косах тесёмочки
Синие, алые
И изумрудные.
Радости малые,
Радости чудные.
Спрячет колоду карт
Зимушка хитрая.
Сокодвиженье март
Выдаст всем литрами.
Сок на берёзе, глянь,
Виснет сосульками.
В каждой берёзе всклянь
В пузиках булькает.

* * *

Цвет в окошке неба синий-синий,
И ромашек белый на лугу,
И зари багряный я России
Всей душою искренне люблю.
И холмы, и перекати-поле.
И тропинку узенькую в храм.
И простор степей. И силу воли
Всем живущим, что присуща нам.
И ракитник над рекой ползущий.
И шиповник раненый в крови.
И ветрами пахнущий насущный,
И дождями хлебушек земли.
И берёз расписанные шали.
Нервную осины тонкой дрожь.
И ковром до горизонта дали.
Ведь любовь божественная сплошь.
Она всюду. Чувствуешь дыханье?
В каждом распустившемся цветке.
В каждом лепестке благоуханье.
В каждом новом жизненном витке.
Запах трав и сладостный, и терпкий.
Хоть иголкой спрячься ты в стогу!
И оттуда виден купол церкви.
И слышнее горлицы «угу».

* * *

С разноцветною листвой
К нам опять в дворишки
Прилетели на постой
Жёлтые воришки.
Маскировочный наряд,
Словно листья грудки,
Треплют зимний виноград.
Пёс зевает в будке.
Переполненное всклянь
Небо серой тучей
Уж дождём прольётся, глянь!
Скоро всем наскучит.
У сарая, что свеча,
Запылала груша.
Замолчала не вчера,
Спит в пруду квакуша.
Кошка рыжая с утра
Моет морду лапкой.
Пробирает до нутра
Воздух свежий. Зябко.

* * *

Шелковистые ковры
Расстелил октябрь.
Что ни дерево, гляди,
В бронзе канделябр.
Просвистел разбойник-ветр,
Прикрываю спину,
От земли листву на метр
Приподнял и сгинул.
На петунью брызнул дождь —
Пять холодных капель.
Под её рубашкой дрожь.
Выцветает штапель.
Просочилось лето в брешь
На веранде, видно,
Воздух стал заметней свеж.
Чуточку обидно.
Разбросал каштан кругом
Ёжиком колючки.
Отдалённо слышу гром.
Набегают тучки.
Уж длиннее вечера.
Грею чаем ручки.
А ведь не было вчера
Ни единой тучки.

* * *

С охапкой жёлтых листьев лес:
Берёзки, сосенки и ели.
Все с рюкзачком наперевес.
И тихо ангелы в нём пели.
Высовывался из-за туч,
Скользил, как будто по паркету,
По их макушкам солнца луч,
Прощаясь с красным тёплым летом.
В прозрачном свете вдоль дорог
Сверкала нитью паутина.
Сентябрь — осени порог.
А за порогом — середина.

* * *

Зреет в огороде
Овощ. В небе просинь.
И не лето вроде.
Но ещё не осень.
Копаной картошкой
Пахнет и ботвою.
Лезет на дорожки
Базилик с братвою:
Сельдерей, петрушка —
Дружные ребята!
Кабачок всей тушкой,
Курочка, цыплята.
Побледнела в грядке
От жары капуста.
Юбочка в порядке:
Рюши к рюшам густо.
Хрупких яблок ворох
На траве примятой —
Закром будет полный!
Выпью чаю с мятой.
С луга тянет донником,
Терпкою солодкой.
Кот на подоконнике.
На столе шарлотка.
Тёплых дней осталось
С горстку. А пока
Пеньем наслаждаюсь
Доброго сверчка.

* * *

А я России моей берёзка.
Я седовласый её ковыль.
Кудрявой вербы её серёжка.
И не в укор мне России быль.
И не в укор, что нараспашку
Душа открыта и широка.
И так проста, что в полях ромашка.
И что так тянется к ней рука.
Что купола васильков синее
Её соборов, монастырей.
И что люблю её всё сильнее,
Как любят чадушки матерей.
Мне никуда от тебя не деться:
Я словно петелька, ты — крючок.
Я словно нить, чтоб в иголку вдеться.
Я словно скрипки твоей смычок.

* * *

Близок мне батюшка-Дон,
Лес и луга заливные,
Ставенки окон льняные
И кафедрального звон.
Эта тропа с бугорка
Видится тонкою нитью.
Вот раскачался к отплытью,
Слышится рёв катерка.
В небе бегут облака,
Опережая событья,
Резво, игриво и прытью,
Смотрят на нас свысока.
Не от полыни уста,
А от причастия слаще.
Греют мне душу всё чаще
Эти родные места.

* * *

С подоконника синица
Утащила рукавицу.
И раззявила роток
На засушенный цветок,
Мною с осени забытый.
А сорока вон, гляди ты!
Собрала с лозы изюм.
Что там ей пришло на ум?
Не на клиросе, не в хоре,
Разорались на заборе
(Греют лапы и хвосты)
Вновь облезлые коты.
Над забором, стал уж хлипкий,
Абрикос склонился липкий.
Тяжело вздыхает: «Ох!»
Ствол обвил зелёный мох.
Но весны свежо дыханье:
Шкурки белые бараньи
По глазури голубой
Проплывают надо мной.
Всё мне это греет душу.
Воробей сидит на груше
И поёт: «Чивик-чивик!» —
Скинь скорее ветровик!

* * *

Рукой прикрываю глаза —
Любовь к золотому сорочья,
Гляжу, как заходит гроза.
По небу из облак всё клочья.
Уж ветра доносится стон.
Из сада домой табуретки
Вношу и снимаю с окон
От мошек москитные сетки.
А в доме шарлотка, ваниль.
Стучит за окошками дождик.
И в грязь превращается пыль,
И мокнет в саду подорожник.
И капли дождя на листах,
С ветвей не опавших, до срока,
Сверкают алмазами. — Ах!
Ну надо ж? Ну, точно сорока!
Закончился дождик. И тишь.
Одна в углублении сада,
Вся вымокла, зябнешь, стоишь,
Прочувствовать, видимо, надо.
Как русская женщина, вспять
Могла б повернуть, в небе просинь,
Ушедшее лето, опять
Лишь бабье, по-дружески, осень.

* * *

А у нас такая жара —
Не продохнёшь.
Август пришёл. Пора
Землю студить, дождь.
Чувствуешь, раскалена,
Лопается по швам
Круглая шарик-Земля,
Нужная нам.
Слышишь, от зноя вопит,
Молится Богу, дождь?
Ну же, давай, кропи!
Что же ты ждёшь?
Ждёшь, в колеснице златой
Завтра средь бела дня
Протарахтит над грядой
Божий пророк Илия?

* * *

Через тьму пробился к свету
Лишь один росток пшеничный.
Малахитового цвета
Был костюм его сценичный.
Рос, взрослел он в пыльной взвеси,
Но под солнышком лучистым.
Хоть немного граммов весил,
Колоском стал золотистым.
Плыл над ним из облак купол.
Дождь кропил святой водою.
Зрели с ним: горошек, куколь
И берёзка с лебедою.
Был он им не друг, не ворог —
Не был им рукопожатным.
Каждый час, что прожит — дорог.
Только осень — время жатвы.
Отделять лишь ей от плевел
Зёрна хлебные для житниц
На припёке, на пригреве
С верой крепкою подвижниц.
В человеке каждом тоже,
Дай лишь время, в поле словно
Могут вызреть слово Божье,
Сорняков ненужных слово.

* * *

До зорьки встали рыбаки,
Влекомые рыбалкою.
Но не клевали судаки
На удочки с приманками.
Вдруг заходили желваки,
По килограмму, около,
Из речки тянут рыбаки
Три полосатых окуня.
Когда погасли звёзд огни
И луч сверкнул соломенный,
Набили, кажется, они
Рыбалкою оскомину.
Вот детвора спешит к реке,
Ныряет и купается.
Уж кем-то покрик вдалеке
Кукушечий считается.
Над речкой высится гряда
И облака меренгою
Идут над нею в три ряда
Широкою шеренгою.
А если встанешь на гряду,
На бережок обрывистый,
То лентой видится внизу
Атласной Дон извилистый.
На речку вышел катерок
Летящею походкою,
И заигрался ветерок
С травою богородскою.
И дух стоит кругом такой,
Когда ты за оградою
До яблок тянешься рукой,
Компотный, сладкий, ладанный.

Вот чья-то рыжая бредёт
На луг пастись Бурёнушка —
Так по-крестьянски и живёт
Родимая сторонушка.

* * *

Запрягает в раданку
Лето месяц май.
Над опушкой с ладанкой
Слышен птичий грай.
Белыми батистами,
Дотянусь рукой,
Облака перистые
Мчатся над рекой.
Продырявил пиками
Небосвод камыш.
Дикий, серый, криками
Гусь встревожил тишь.
Слышно уток кряканье.
Что ни говори:
Вырос день и цаплею
Ходит до зари!
И как прежде радуют
В мае вечера
Лёгкою прохладою
Нынче и вчера.
Закатилось солнышко
За полсотню изб,
Светит над головушкой,
Что Николы нимб.
В окна звёзды-паданки
Сыплются в проём,
К образочкам с ладанкой
В домике моём.

* * *

Под солнцем апрельским, ярким,
Гляди, как краснеет носик —
В садах на деревьях, в парках
Медовый цветёт абрикосик.
Пасхально звенят бокалы
Тюльпанов у старой туи:
Всю зиму они алкали,
Старания не были всуе.
От косточки спелой, сдюжит,
В снегу пролежал и луже,
На свет появился Божий
Росточек с зелёной кожей.

* * *

Сквозь настилы прошлогодних
Листьев встали, погляди,
В рубашоночках исподних
Травы, руки на груди,
Воздух ладанный, кадильный,
Звень-позвень — слышна капель,
В рубашоночках крестильных
Опускаются в купель.
И в степи, ещё не пыльной:
Север, запад, юг, восток,
Уж проклюнулся ковыльный
Седовласого росток.

* * *

…И в небе топится тандыр,
И книга белая до дыр
Зачитана, и тра-та-та —
Дробь барабанщика с утра.
Февраль закроет скоро книгу,
Ведь до весны всего полмига,
И пропись в несколько страниц.
Слетают в споре перья ниц
Пернатых (лёгкие морозы
Крадутся ночью, что жульё),
Из перьев, глины и навоза
Построят новое жильё!
Идти привычнее, не охать,
И не жалея черевик,
Там, где в сугроб увяз по локоть
С ведром дырявым снеговик.
Вдыхать привычней воздух вольный,
Его прозрачные клубки,
И слышать, как на колокольне
Воркуют сладко голубки.
Плотнеет снег. Потеет снег.
Не сдержишь времени разбег!
Хохочут радостно ручьи!
Кричат грачи ручьям: «Вы чьи?»
Печной повсюду слышен треск.
И солнца золотистый блеск
Так больно-больно режет глазки.
В сарае спрятаны салазки —
Им набираться новых сил!

А день февральский нынче мил
С его широкою улыбкой.
Над речкой пар клубится зыбкий.
Проснувшись, шепчет ей камыш:
«Ты спишь?»

* * *

Видел каждый селянин
Давеча, как длинный
Вырисовывался клин
В небе журавлиный.
Нынче главы свои ввысь
Тянут еле-еле —
Вот и вытулупились
Сосны, дубы, ели.
Словно нет ему конца,
Снег идёт без меры —
Вот уж выкуполился
Храм Николы серый.
Непокрытого вблизи
Места не осталось,
Что мешок пустой, гляди,
Небо опросталось.

* * *

Предзимье зиму приближало.
Зима уж жгучее из жала
В ноябрьский впрыскивала день.
Туч надвигающихся тень
От солнца землю затмевала.
Земля, что в белой пене брег
Морской, летит уж первый снег,
Под тёплым дремлет одеялом.
Шумливых смолкли стаи птиц,
На юг летевших. Пала ниц
Листва с деревьев, оголились
Их ветви чёрные, что смоль,
В коре их выступила соль —
Перед Создателем молились,
Чтоб дни земные их продлились.

* * *

Полосатый мяч — арбуз,
Тыковки — кареты,
Как медовые на вкус —
Осени приметы.
На шпалере огурец,
Сюртучок суконный,
По-казацки удалец
Крутит ус исконный.
Вот из карликовых астр
Золотой гербарий
У сарая без пилястр,
Вот чадит розарий.
Уплотняется в компост
Вся ботва на куче.
Нет, сорок пугавших, в рост
В огороде чучел.
Фиолетово ему,
Он в душе не лирик,
Хоть петрушку, хоть кинзу
Потеснит базилик.
К встрече тот готов, к зиме,
Кто запаслив слишком.
Видишь, тащат на гумне
Зёрна муравьишки!
С яблонь зрелые плоды
Полетели с хрустом.
В мыслях столько ерунды,
Что в закатах грусти.
Час поёт, другой поёт,
Ох, сверчок бедовый!
Как вибрация идёт
По всему по дому.

Поминальное сверчка
Надоело пенье,
Словно старого дьячка.
Всё. Конец терпенью!
Чтоб остатки дней сберечь
Тёплых, свечку эту
К образам иду зажечь
Я о здравии лету!

* * *

Месяц август. От жары
Нет нигде спасения.
Уж за Спасами в дворы
Крадется Успение.
Дни густые, словно щи,
Что сметанкой сдобрены.
— Только не переборщи
Небушком сподобленный!
В помидорах гамаки
С мухами качаются —
Вяжут, вяжут пауки,
Нити не кончаются.
По курганам и степям
Травушки полынные
Сохнут — ветру тёплым дням
Петь псалмы поминные.

* * *

День янтарный и тягучий,
Что древесная смола.
В непроглядном и липучем
Вязнет мареве пчела.
Занавесок слышен шорох
Из тяжёлого сукна,
Лёгкий шёпот в коридорах
Из открытого окна.
Мягкий тагетеса бархат,
Словно бабочки крыло.
Сладко-резко-терпкий запах —
И от сердца отлегло.
Лап паук не покладая
Гамаки в кустах плетёт:
Осень, подразумевает,
В гости к августу идёт.

* * *

Все секретики с подкорки
Память считывает свято,
Мчится, мчится, словно с горки
Я с сестрёнкою когда-то.
Там, где степи с ковылями,
Сопки, лес и птичьи гулы,
Где домишки саманами
Встали в крепкие аулы,
Где с небес глядится солнце
В воды чистые озёрны,
Опускается до донца,
Где хлеба тугие в зёрнах
Вызревают, топят печки
В час таинственной прохлады,
В небе бегают овечки,
Мне всегда, как гостю, рады,
Молоко парное в крынке
Где — Бурёнкино творенье,
Пишет девочка Иринка
Первое стихотворенье —
Жизни будущей основа
И духовности иммунность.
Мчится, мчится память снова:
Детство, отрочество, юность.

* * *

За счастье русской зваться мне,
Россия-мать, прими поклоны!
До боли в шее и спине
За чтенье утренних канонов,
За одуванчик на лугу,
Берёз зелёные фелони,
И за двенадцать раз «угу»,
Пропетых горлицей на лоне
Природы, крестик на груди.
Из перевёрнутых, и кстати,
Из чаш, из купольных, гляди,
Стекает море благодати.

* * *

Март капелями стучит
По пенькам, по кочкам.
Воздух ладаном горчит,
Курит в люльках почки.
Под деревьями и вдоль
Леса в липких смолах
Островки из снега — соль
Крупного помола.
Расплавляет, что сургуч,
Смолы утром рано,
Закупоривает, жгуч
Луч деревьям раны.
Появились средь полей
Первые проталины.
У сосулек всё длинней
Ноги, тоньше талии.
Прошлогодний снеговик
Скособочен дюже.
Вот воробышек: «Чивик!» —
Искупался в луже.
Солнце яркое до дыр,
Блеска начищается.
Вот сверкает, что потир,
В водах причащается.
Цвет у неба, приглядись,
С синевою нежненькой.
Стебли-руки тянут ввысь
Белые подснежники.

* * *

День, зачатый в чреве ночи,
Тщетно небо теребил:
Он на свет что было мочи
Раньше времени спешил.
Содрогаясь, ночь от боли
Дотерпела до утра
И теперь по Божьей воле
Разрешения ждала.
Смысла не было перечить —
Скоро явится дитя!
Разогнав всю в небе нечисть,
Успокоилась она.
Шевельнулся в чреве ночи
День. Толчок. Другой. И вот
Занялся красивым, очень
Алым цветом небосвод.
Разгоралась на восходе
Долгожданная заря —
Угасала на исходе
Ночь при ярком свете дня.
Всё ему: и солнца лучик,
Нарождённого дитя
Он коснулся ножек, ручек,
И о здравии лития.

* * *

Небо серое с лиловым.
Воздух свеж. Мороз трескуч.
С крыш катаются вороны,
Снег под лапами скрипуч.
Слышен хохот на задворках.
Разудалая пора!
На салазках, на картонках
Мчится с горки детвора.
В рукавах застыли льдинки.
Словно собственная тень,
За спиной собака Динка,
Убывает скоро день.
Вот уж тащатся салазки
Во дворы. Мороз окреп.
А в домах, как в доброй сказке,
Украшается вертеп.

* * *

Зимний день. Мороз трескучий.
Все дороги замело.
В одеяло снежной тучи
Всё завёрнуто село.
Мы берём свои салазки
И спешим скорей во двор.
Зимний двор похож на сказку.
Снег сверкает, что фарфор.
Ветви древ — большие лапы
Чудищ сказочных кругом.
Вот за ночь подрос, как папа
Стал высоким снежный дом.
Как великие стратеги,
И, как будто на века,
Строим крепости из снега,
Лепим мы снеговика.
Снеговик как на картинке!
Зазевается едва —
В головном уборе с дыркой
Птицам скормится еда.
Можно ртом ловить снежинки
И в сугробы взять упасть,
Что в пуховые перинки,
Ушибиться не боясь.
Раскраснелись. Стало жарко.
С крыши снег сорвался: бом!
И моя сестрёнка Ларка
Превратилась в снежный ком.
Я её спасаю душу
И, со славой храбреца,
Шубку кроличью, что грушу,
Вытрясаю у крыльца.

Вот мы валенки на печке
Сушим, варежки свои,
В ней трещат поленья-свечки,
Дух исходит от хвои.
Во дворе стоят салазки.
На столе лежит букварь.
Прожит день, как в доброй сказке.
Закрываю календарь.

* * *

Уж кукушка не кукует.
Словно слышен волчий вой,
То в лесах и в рощах дует
Чаще ветер верховой.
Гладит травы против шёрстки:
Лопухи, полынь, бурьян.
Набралось чуть больше горстки
В почву брошенных семян.
Ощетинились овраги,
Зная ветра буйну дурь:
Выдирал из почв коряги,
Насылал десятки бурь!
Здесь утрами из туманов,
В расстоянии руки,
Выплывают параманы
И монахов клобуки.
За туманами зазимки
Уж вдыхают холода.
Ждать теперь весны озимке,
Словно Божьего суда.
Воздух треснул. Воздух ухнул,
Словно бабушкин фарфор.
И на землю снегом рухнул
С плеч небесных омофор.

* * *

Люблю ноябрьскую голость,
Одежд использованных рудь
И из души кричащий голос,
Которым сдавливало грудь.

Люблю ноябрьскую серость,
Видна в ней истинная суть,
И слова вызревшего спелость,
И чувств невысказанных грусть.

Люблю ноябрьскую строгость
Геометрических фигур,
И вечеров прохладных долгость
Для человеческих натур.

Люблю ноябрьскую сырость,
Предсмертный воздуха глоток,
И эту Божескую милость —
Под прелью будущий росток.

Люблю ноябрьскую ленность
И отрешённость от всего,
И эту сладостную пленность
До пальцев кончиков его.

* * *

Поминальные всё речи
Ветра слышатся меж сосен —
Отошла в иной мир осень.
Откадил ноябрь. Свечи
Не горят и не блистают
На берёзах, липах, клёнах.
Дни, сворачиваясь, тают,
Дремлют в озимях зелёных.
Небосвод то сер, то синий:
Тучи, тучи, облака…
Исхудавший в чёрной схиме
Виден лес издалека.
Ноги босые в сандалиях,
Куколь давит на глаза.
Так глядит с тоской он в дали,
Что из глаз бежит слеза.
Ветер треплет леса схиму,
Разбивает в прах и пух!
Пережить бы эту зиму,
Закалить бы силы дух!
Чтоб весной, мечту лелея,
После стужи гробовой,
Сбросив схиму, поскорее
Зеленеть младой листвой.

* * *

Топится банька.
Парится речка.
В речке таранька
Водится. Свечки
Жёлтые жгутся,
Медленно тают.
Дикие жмутся
Утицы в стаи.
Скоро простятся
С Родиной малой
И возвратятся
В край постоялый.
Смолкнут все птицы.
Станет угрюмей
Лес, погрузившись
Снова в раздумье.
И затвердеют
Серы и голы
Вновь на Авдея
Ветви и стволы.

* * *

Вечереет. Осень. Гулко.
Слышно, ветер как бежит
Холодком по переулкам,
И как воздух дребезжит,
И как липы лист остывший,
Раскачавшись, что фонарь
За окном скрипит, и слышно,
На селе звонит звонарь.
Вся сквозна, бледна и тоща
На холмишке за селом
Из окна виднеет роща,
Шепчет месяцу псалом.
Сердцу горько — сердцу сладко…
В моё тёмное окно
Из большой небесной кадки
Льётся свет давным-давно.
Льнёт лоза в саду к шпалере
Виноградная, гляжу,
И моя крепчает вера —
Зиму вновь переживу.

* * *

Август. Лето на изломе.
Солнца луч с утра не дюж.
В поле скирдами солома.
Продевай оглобли в гуж!
Запрягай свою лошадку!
На повозке гужевой
И не валко, и не шатко
Повезём снопы домой
Мимо вспаханного поля,
Где добытчик и копач,
Чтоб семян наесться вволю,
Ходит важно чёрный грач.
Мимо леса, где осины
Заалеют к октябрю
Под холодным небом синим,
Строго по календарю.
На полянах и опушках
Задрожит осины лист,
С приближеньем белых мушек
Станет сладко-сахарист.
Горше пекарской ванили
Разойдётся листьев дух,
И деньки, что нас манили,
Превратятся в снежный пух.

* * *

Месяц август — месяц жнивень.
Благодарен август, щедр.
Редки грозы. Редки ливни
Из небесных хлещут недр.
Остывают воды в реках
На Ильи-пророка день.
Так идёт из века в веки —
В них купаться скукотень!
Меньше требуются квасы —
Жажды нет такой внутри.
Больше празднуются Спасы,
Как и прежде на Руси.
В юбке серенькой из твида
Попрошу в Орехов Спас
Я святого Диомида —
Пусть помолится за нас!
Вечерком истопим баньку.
С пылу, с жару из печи
Вынем «бабушкины» шаньги —
После баньки хороши!
И, потягивая жгучий
Тонкой струйкою чаёк,
Будем видеть, как за кручей
Горной прячется денёк:
Не денёк, по сути, лето,
Вместе с ним Орехов Спас
На другом закрайке света,
Где Макар телят не пас.

* * *

Сколько их на свете — Родин:
Две, четыре или три?
Вижу в ягодах смородин
Ту, что помню, изнутри:
Дом саманный в три окошка
И поблизости лесок.
Рвётся ягода в лукошко,
Из берёзы в туесок.
Из глубин леска, и с края,
Ароматная на вкус,
Очень сладкая такая,
Клеит губы, клеит ус.
Рвутся листья к маринадам,
Кроме ягоды в компот.
Вот уж мама будет рада!
Летом дел невпроворот!
Дышит, пышет чайник паром,
Как рассерженный свистит,
Из стекла пустая тара
На носу его висит.
На столе лежат рядками
Налитые огурцы,
Зонт укропный в помощь маме
И чесночные зубцы.
Сколько прелести в событье!
Воздух свеж, хоть август жгуч.
Вышивает память нитью
Той, что спрял рассветный луч.
Вот ещё одна картинка
Мой порадовала глаз —
Помидоры в паутинках.
А за ней — Медовый Спас.

* * *

В синих пропастях меж облак
Солнце яркое встаёт.
И земля меняет облик,
Розой алою цветёт.
И антоновкою пахнет.
С раскрасневшимся бочком
Плод, зевнув на ветке, ахнул! —
На траву упал ничком.
Травы мокрые согбенны,
Им ли, матушкам, не знать,
Что милей всего с коленей
Гласу Божьему внимать.
Солнце встало. Светит ярко.
Серебра и злата сплав
Отражают лавки в парках
И соборов сотни глав.
Открывают люди створки
Золочёного окна,
В них, потягиваясь, шторки
Лезут в створки после сна.
И петух соседский Борька
Раскричался на жерди,
Засвидетельствовал зорьку
В синем небе, посреди.
Огородный мой подсолнух
Задирает к солнцу нос —
Тот ещё небесный олух,
Золотистый медонос.

* * *

Изранен ветрами февраль.
Изорванное в клочья небо.
Но сквозь чернеющую даль
Придут дожди, родятся хлебы.
Пробьются травы через прель,
Листву, оставленную в осень.
И соловья услышу трель
В день марта женский с цифрой 8.
И до тепла подать рукой,
Всего осталось-то — полвздоха,
Чтоб с настоящею весной
Мне повстречаться на Евдоху.

* * *

Осени листья — церковные маковки
И золотые кресты.
Годы горстями, возраст бальзаковский,
Наши с тобою мечты.
Осени листья — капли Христовой
Крови, пролитой за нас,
Напоминают нам снова и снова
В этот уныния час.
Осени листья — пасхальные крашенки,
В берестяное лукно
Их упакуют деревья-монашенки,
Чёрное платьев сукно.
Осень — картина отчасти прощальная,
Но ощущаю покой,
Лишь под ногами яичной, пасхальной
Лист захрустит скорлупой.
Осень — пора золотая раздумий
И покаяний пора,
Где сам себе монастырь и игумен,
Чистый листок для пера.
Лист припадает к подножию древа —
К ступням Спасителя мы
В ветхой одежде, но с крепкою верой
Снова в преддверии зимы.

* * *

Уже поля чернеют пашнями,
И днями целыми дожди.
Сады зелёные, вчерашние
Цветными стали в эти дни.
Погода по обыкновению
Меняет осени наряд,
А вместе с ней и настроение:
То грустный, то весёлый лад.
Бывает в дни погоды ясные
В окно ветвей проглянет луч,
И заискрятся листья красные.
А воздух сладок и тягуч!
И ветерок бежит, волнуется
С небес, и сад волнует сам.
И листик с листиком целуется.
И мёд сбегает по устам.
Бывает в дни, когда ненастье,
Дождём сад залит через край,
И я тогда хандры во власти,
И рай в саду тогда не рай.
И ветер в крике весь заходится,
И листья рвёт с ветвей, и хмарь.
— Бог даст, до завтра распогодится
И успокоится бунтарь!
Сад после трёпки, точно болен
Казаться будет мне, и стар.
Но был ведь жизнью он доволен,
Пылал на солнце птицей-жар!
Уж скоро в небе бирюзовом
Сады начнут сквозить, чернеть,
И вдоль полей с озимкой снова
Остроги древние виднеть.

* * *

Бреют флюгеры на крышах
Истребители-стрижи.
Звук пичужий чётче слышен,
Нарезают виражи.
Налетают, как цунами.
Сеют-веют на гумне
Мух и мошек с комарами,
Прибивают их к земле.
Тяжелы их крылья росны:
Мошек, мух и комаров,
Косят их стрижи, что косарь
Травы утром в день Петров.
Тучу гром сильней пришпорил.
И земля, и лес дрожит.
Дождь начнётся очень скоро —
В гнёзда спрятались стрижи.
Грома частые раскаты,
Молний отблеск на стекле —
Грозовые перекаты
Разыгрались на селе.
Даль невидимая рядом.
Завернулась кутерьма.
Огороды и ограды,
Потемневшие дома
Сникли все под тучей скорбной,
Охватила их хандра.
Бьёт свинцовый ливень дробный
Из дырявого ведра.
В грязных лужах капель всплески:
Монотонный, ровный шум.
Ни равнин, ни перелесков
Не увидишь наобум.

У окошка лезут думы
В моё светлое чело
Под грозы и ливня шумы,
Захватившие село.
Луч сверкнул. Смородин чисты
На меня глядят глаза.
Травы сделались душисты,
Лишь закончилась гроза.

* * *

Ещё будет много света!
Но сентябрь — месяц хмурень,
Лишь нахмурит бровь, примета,
Значит, жди дождя и бури.
И помчатся тучи с ветром,
И закроют неба просинь,
Словно бабушкиным фетром
Лип, берёз касаясь, сосен.
И запляшут капли шумно
С ветром в ритме в стиле румба,
Страстно так и так бездумно,
Словно где-то на Курумбе.
Вдруг раздастся, словно в рупор,
Грома глас и ветра вопль,
Осветится, словно купол,
С золотою кроной тополь.
А потом всё смолкнет, будто
Ничего и не случилось —
Просто с радугою утро
Через шторы просочилось.
Ещё будет бабье лето…
Эти женские капризы!
Ещё будет много света —
Осень — дамочка с сюрпризом!

* * *

Июльский день лучом распятый:
Всё жгучей, жгучее огни.
Грустят в лугах полынь и мята,
Вся живность прячется в тени.

Куда-то все исчезли птички.
Горячий воздух давит, туг.
Не слышно звонкой переклички —
Всё будто замерло вокруг.

В кустах не кружатся без толку
Едва живые комары.
Стрекочет только без умолку
Кузнечик — подданный жары.

В парчовой небо треуголке.
Ему почудилась гроза.
Как будто высохли и колки
От зноя синие глаза.

Ох! Тяжела в полях работа.
Но солнце палит не щадя —
Убрать хлеба людей забота,
Успеть до первого дождя.

* * *

Влаголюбивая, поэтому с претензией
К июньскому засушливому дню
Изысканная, нежная гортензия
Склонила низко голову свою.
Её запястья тонкие и шейка
В ажурных, лёгких, белых кружевах —
Весь день трудилась пчёлка-
белошвейка
В воротнике, манжетах, рукавах.
Услышав сказ про божию коровку
К полудню в ветра пламенных речах,
Она дугою выгибает бровки.
О, как она прекрасна при свечах
Холодных звёзд! И вытянута шейка.
И кисти рук, потянутые вверх.
И не пугают тени — телогрейки,
Ползущие со всех в округе стрех.
Одевшись на рассвете в ожерелье,
Такие дарят знатные князья
Своим любимым мадемуазелям,
Готова слушать трели соловья.

* * *

Стихли февральские бури,
И отзвенела капель.
Вот и куличик в глазури
С вербою к нам подоспел.
Луч золотистый и меткий
Льёт на куличик сусаль.
Он на ажурной салфетке
Смотрит в лазурную даль.
Терпкая в вазочке верба
Рядом роняет цветок.
Русь пробуждённая с верой
Кротко глядит на восток.
Жёлтые солнце полоски
Уж опускает за лес
И колесом от повозки
Крутится в сини небес.

* * *

Спешат, как нижутся у храма,
Как будто бусины на нить,
Отцы и бабушки, и мамы,
Когда б их в нить соединить.
В руках сжимают вербы прутья
С любовью, верою. При том
С надеждой входят в храм и ждут, и
Готовы к встрече со Христом.
А к ним навстречу ладан клейкий —
Молитв и святости слуга
Летит, что пчёлка из келейки
На пробуждённые луга.
Горят в подсвечнике уж свечи.
С иконы лик Христа глядит.
Уж всё готово к светлой встрече.
Уж к встрече всё благоволит.

* * *

Старушке снова жарить соль —
Она избавит от недуга.
А юной трепетной Ассоль
Дождаться праведного друга.
А утру раннему встречать
Кукушек, аистов, синицу.
Кому-то главную начать
Писать судьбы своей страницу.
Не впасть бы в ложь.
Не впасть бы в лесть.
Плывёт под парусами шлюпка.
По телу дрожь —
Благая весть!
А в небе белая голубка.

* * *

Свечи дрожат пред иконками.
В сердце и радость, и грусть.
Мягкой натёрта суконкою
Вся православная Русь.
Утро прохладное раннее
Чудных приветливых мест
Луч прогревает заранее.
Слышится вновь благовест.
Им наполняются улочки,
И расступается мгла.
Запах ванили и булочек
Тянется из-за угла.
Детские светятся личики:
Глазки, что неба лазурь —
С праздничных тёплых куличиков
Сладкую лижут глазурь.

* * *

Мы за вербой ходили, мокрёхоньки
Возвращались с охапкой домой.
У села поджидала радёхонька
Баба Мотря — идти не самой!
И за прутики нас красноватые
Угощала гостинцем она:
Леденцом или сладкою ватою —
Дефицитом в ту пору была.
Были мы ей, Матрёне, соседушки.
Уж молилась за нас от души!
Чтобы хвори, невзгоды и бедушки
Ото всех от соседей ушли.
В чёрной юбке до пола, монахиней
Мы дразнили её, ребятня.
Атеисты старуху анафемой
Провожали почти до плетня.
Скот держала: овец и коровушку.
Молоко раздавала за так.
Странноватой считали Матрёнушку,
Будто лишним был медный пятак.
Как любила она вербы прутики!
За иконой в углу берегла.
И крестилася пальцами гнутыми.
И молилась, покуда могла.
В воскресение вербное беленький
Надевала из ситца платок.
А к нему блузу в синенький,
меленький,
Словно в поле апрельский цветок.

— Вы барашки мои, вы и котики, —
Приговаривала всё она,
Гладя почки, что детям животики —
Забрала их злодейка-война.
Мать-земля наша слухами полнится:
Говорили, Матрёны душа
В воскресение вербное, помнится,
К Богу к полудню отошла.
А ещё говорили, я вспомнила:
В знак, что Божьи свершились дела,
Верба вся за святою иконою
Без водицы в тот день расцвела.

* * *

За крещенской водицею очередь
Прихожан, захожан, прохожан —
Здесь должно бы стоять многоточие,
Всех, кто в Храм на Крещение зван.
К баку спереди, слева и справа
(Снег пошёл. Разыгрался буран.)
Люди, видимо, разного нрава
Подставляют посуду под кран.
Не пролить чтоб на землю ни капли
Освящённой крещенской воды,
Как в каком-то знакомом спектакле,
Гнутся спины на всяки лады.
Набирая водицу в баклажки,
В ящик чинно народец кладёт,
Доставая рубли из кармашков,
В общем, кто сколько нужным сочтёт.
Приближается очередь. Пятая.
Предо мною мужчина стоит
И посудину сильно помятую
Нервно так по бокам теребит.
— Глянь, помялась, — он жалобно
сетует, —
И другой нет. Не знает, как быть?
Улыбаясь, старушка советует
Так в помятый сосуд и налить.
Вдруг к полудню, с утра хмуроватое
Небо было, проклюнулся луч,
И мужчине с посудиной мятою
Подмигнул из расщелины туч.
Звуки бронзы из меди и олова
Над толпой надрывались: «Динь-дон!»
Опускались на грешные головы.

И сердца наполнялись под звон
Чистотою. А может быть, святостью?
Даже если помят ты иль худ,
Небеса безо всякой предвзятости
До краёв наполняют сосуд.

* * *

Задумалась, глядя на небо
Таинственной, хладной ночи:
«В страстную б водицы да хлеба.
В субботу б испечь куличи.
Яиц бы покрасить поболе,
Да в луковой чтоб шелухе!
И скатерть в цветочек, как в поле,
Чтоб зятю по нраву, снохе.
И день чтоб на Пасху был жарок…»
Себя осеняю крестом.
Свеча превратилась в огарок —
Опять я пекусь не о том.

* * *

Суббота. В Храм за ручку
К полудню, не с утра,
Ведёт старушка внучку,
По-видимому, «пра».
Лежат в большом лукошке
Недавно из печи,
Посыпанные крошкой
Цветною куличи.
Раскрашенные яйца
Средь куличей лежат.
Покрыты тонким глянцем,
Чуть от ходьбы дрожат.
Девчушка очень рада!
Восторг в её глазах!
Высокая ограда
Не вызывает страх.
Грачей шумливых шайка
У кованых ворот
Кричит, что попрошайки,
Приветствуя народ.
В церковной лавке тесно:
Не встать ни там, ни тут.
Народу тьма, из местных —
Записки подают.
Чин освященья скоро.
Снуёт христов народ
Туда-сюда так споро:
К воротам — от ворот.
Девчушка на скамейке
Старушку ждёт сидит,
На батюшку в скуфейке
С кропильницей глядит.

И вот в свечей сиянье
Кропятся куличи
У Храмового зданья.
Пойми-ка, где и чьи?
Бежит с водой по коже
И резвый холодок.
Бежит и с неба тоже
Лучей златых поток.
Управившись, старушка
Морщинистой такой
Проводит по макушке
Девчушкиной рукой.
Даёт яйцо ей в руку:
— До всенощной храни!
С утра развеешь скуку.
Сегодня же: ни-ни!
Что всенощная значит,
Известно ей навряд…
Яйцо в кармашек прячет,
И счастья полон взгляд.

* * *

Есть в глубинке позабытый
Храм старинный. У реки
Без налаженного быта
Зацепились ивняки.
На холмишке невысоком
Не один по срокам век
Наблюдаем вышним оком
Он стоит, как человек.
В нём молитва, что по венам
В прихожанах кровь текла.
Пообшарпанные стены,
Тусклы окна без стекла.
Пообсыпались и фрески:
Кое-где лишь виден лик.
Ветер хладный, ветер дерзкий
Внутрь образа проник.
Купола полуразбиты,
Перекошены кресты.
Много кем был Храм тот битый.
Прежде верующих персты,
Чтоб ни беды, ни зараза
Не коснулися страны,
Осеняли Храм три раза
И четыре стороны.
Может, был их чище разум,
Плоть… Не всё и нынче срам.
Только больно видеть глазу
Тот полуразбитый Храм.
Сколько их таких в глубинках
В запустениях у рек
С позаросшею тропинкой
Доживают тихо век.

* * *

Покой с дремотою круша,
Вот брюшко, хоботок, вот крылья,
Порхает бабочка-душа —
Легка, прозрачна и ванильна.
С цветка порхает на цветок.
И каждый ей поёт на ушко.
И прижимает хоботок,
И ножки длинные, и брюшко.
Её в Любви создал Господь.
Она торжественно ликует,
Когда опять в живую плоть,
В конверт как будто бы, пакуют.
Соприкасаясь со средой
Земной, воздушной по наитию,
Из белых, чёрных чередой
Сплетает шелковые нити.
Ей, что цветку, так важен рост!
Она легко напишет повесть,
Лишь перекинет к духу мост,
Что называют словом «совесть».
Не брюшко, хоботок рвались,
Когда, застывшие в граните,
Желанья-крылья тянут ввысь
И эти шёлковые нити.
По мановению всего
Руки волшебника и мага
Мы все из куколок Его
Вдруг превращаемся в имаго.

* * *

Ты по земле идёшь мессией —
Удел таков и крест таков.
Настал тот час, моя Россия,
Освободишься от оков.
От всей ненужной шелухи
И от болотной, грязной тины.
Лишь не услышат, кто глухи,
Что ты никем непобедима!
Что впереди грядёт рассвет,
Что после тьмы. Что объяснимо.
И кто увидит этот свет,
В душе своей найдёт ответ
И за тобой пойдёт, Россия!

* * *

Почерк аккуратный — пишет
школьник,
Учтены поля и горизонт,
Шар земной в ладонях в треугольник
Свёрнут, и отправится на фронт
Письмецо короткое с рисунком,
С добрым пожеланием: «Храни
Бог тебя, солдат!» И ниже пунктом:
«Возвращайся! Крепче будь брони!»
Там в окопах холодно и сыро.
Только вот иначе им нельзя:
Просят в письмах дети: «Миру —
Мира!»
Дома ждут родные и друзья.
И опять наполненные храмы.
И никто не скажет: «Свет не засть!»
Молятся и бабушки, и мамы,
Негде-то и яблоку упасть.

* * *

Предо мной на фото, сразу
Не узнала, без изъян,
Молодой, голубоглазый
Дядя — Зорин Куприян.

Из Вишнёвского района
Призван был, из РВК.
Без медалей и погонов.
Сорок третий год пока.

Перед дядей жизнь лентой
Пулемётною легла.
Километры, километры…
Высока за них цена.

В феврале мели метели.
День в бою идёт за год.
Под обстрелы из шрапнелей
Шёл в атаку дядин взвод

Необстрелянный. Не сразу,
Я рассказ веду про то:
Был лишён осколком глаза,
Комиссован был потом.

На увечье он не глядя,
Не до этого, стране
Помогал в то время дядя
Больше, с вдовами, втройне.

И страна родная наша
Ту войну пережила,
Трактора гудели в пашнях,
Задышала, ожила.

Я, в один из дней, хорошим
Обещался быть с утра,
В платье россыпи горошин,
Сердце рвётся из нутра,

Фиолетовым фонтаном
Брызжет в городе сирень,
Облака, нежней сметаны,
Тень наводят на плетень,

Мчусь, хоть вовсе не сорока,
Срочно новость донести
И приказ исполнить к сроку:
В день воскресный, к десяти.

— Вот, примите приглашенье!
Здесь указан класс и час.
Приглашаем с уваженьем
На урок открытый Вас!

— Не приду, — он извинился.
— Плохо, детка, на войне.
Он в лице переменился,
Стал чужим как будто мне.

— Я мечтаю, чтоб на свете
Каждый день был без войны.
Чтобы сладко спали дети,
Им цветные снились сны.

И ни слова больше. Скупо,
По-солдатски. Правый глаз
Задрожал у дяди Купы.
Вот и весь его рассказ.

Мы от тёти Мани знали:
Много лет в шкафу подряд
Провисел, висит в медалях
Дядин праздничный наряд.

Раз в году на День Победы,
Точно уж не напоказ,
Чтоб забыть иль вспомнить беды,
Надевал свой левый глаз

Рядовой по званью Зорин.
Умер скромно. Полверсты
Отделили дом от взгорья,
А на нём погост, кресты.

Небо в мае — синий купол.
Вся земля весной гудит.
На погосте дядя Купа
Чутким сном солдатским спит.

* * *

Нам остается только память
Живущим и в грядущем вам:
Родных и близких фото в раме
И панихиды по церквам.
Рассказы, нет, исповеданья
И про разгром врагов, про то,
Как в час воскресный утра ранний
Война пришла — не ждал никто.
Про то, как сладко спали дети
В своих кроватках, видя сон.
Про то, что не было на свете
Страшнее часа: всюду стон
И груды тел, и грома звуки
Немецких «мессеров» кругом,
И кверху поднятые руки —
Врасплох застигнуты врагом.
Война их жадно забирала:
И сыновей, и дочерей.
Жизнь не одна свечой сгорала —
Сгорали тысячи свечей.
Весною каждою Бессмертным
Полком идут по городам
Герои, павшие посмертно,
Но неподвластные годам.

* * *

Солдаты возвращают имена
По пуговицам и по медальонам.
Ни мне судить — эпохи ль в том вина,
Что гибли без разбора миллионы.
Ведут работу поисковики —
Всё меньше безымянных обелисков.
Они встают в Бессмертные полки,
Герои с дорогими сердцу близко.
Из ржавых касок и латунных гильз,
Клочков бумаги восстают, записок
Марии, Анны… Новых сколько лиц!
И будет продолжаться этот список
По ручкам, по начертанным на них
Инициалам. Поглядите сами:
Вот он воскрес — красив, и брав, и лих
Среди других герой героев Саня!
По котелкам, по ложкам, орденам,
Буржуйкам из металла самодельным…
Что нас касается — то помнить нам
Героев Ржева, Сталинграда, Ельни…

Рассказы

Нюра

Солнце сегодня высоко в небе. Лучи его не жгут, а, кажется, выжигают всё живое на земле. Я сижу на берегу реки и размышляю о жизни, о судьбах своих предков, которые жили когда-то в здешних краях и которым пришлось покинуть их, возможно, по воле судьбы. Горячий воздух касается моих обнажённых рук и ног, качнувшейся речной глади от недавно промчавшегося катера, сбегает с покатых разомлевших плеч ив и прячется в камышах. Недалеко от меня муж ловит рыбу. Я тоже закидываю удочку, но — глубоко в прошлое, надеясь на хороший улов, смотрю на возмущённую поверхность реки, натянув сильнее на лоб панаму, и выуживаю из памяти мамины рассказы по крупице. Река высовывает свои влажные языки на берег и затягивает внутрь своей сущности ракушки, коряги, песок и человеческие следы. Человеческие следы… Сколько их было? Наступаю на влажный песок. След спустя какое-то время заполняется водой и растворяется в песке.

Но есть человеческая память, которая не растворится, если её будут передавать из поколения в поколение устно или письменно. Память ради тех, кто стоял у истоков рода, с благодарностью за то, что они жили, чтобы жили мы здесь и сейчас сегодня, и завтра — наши потомки.

К сожалению, я не знаю, как звали моих прадедушек и прабабушек. Слышала от мамы, что по бабушкиной линии у прадеда было прозвище Муряк, он плавал по Волге, занимался рыбным промыслом. Прабабушку звали бабка Ведмедиха, так как фамилию имели Медведевы. Они были зажиточными.

Из воспоминаний мамы:

«…В доме у бабушки было светло. Полы дощатые, некрашеные, до того чистые, будто только что настелен-

ные. У стены стояла длинная деревянная лавка, на ней в ряд вёдра с питьевой водой. На окнах висели белые выбитые занавески. В красном углу божница с иконами и лампадой, подвешенной к потолку. У другой стены стоял большой сундук. Над ним висели часы, портреты родных и старинные картины. Рядом с сундуком ещё одна лавка, поменьше, на ней стояла швейная машинка. Посредине комнаты располагался большой стол. Как-то раз дедушка привёз осетра. Он был такой огромный, что едва поместился на столе. Бабушка сразу принялась разделывать его, а дедушка уплыл на лодке с другими рыбаками…»

По линии дедушки прадед был бедным, поэтому бабушка Поля не получила благословления от родителей на брак и сбежала с будущим мужем в соседнее село, где они обвенчались, там же нанялись в батраки. Хозяева выделили молодым маленькую комнатку. Вскоре дедушку забрали на службу, бабушка осталась одна. Через год у неё родился первенец. Хозяева выделили ей за работу небольшой участок земли, козочку и домашнюю птицу. К тому времени, когда дедушка вернулся со службы, у неё был небольшой домик. Родители бабушки решили помириться с молодыми: на Троицу, после службы, навестили их, тогда и помирились. Вскоре дед Гриша с прадедом построили большой деревянный дом, где потом жили молодые.

Может быть, у мамы были бы ещё какие-то воспоминания о своих бабушках и дедушках, но в возрасте четырёх лет она покинула Россию вместе с родителями и ещё двумя несовершеннолетними детьми: Марией шести лет и Колей — четырнадцати. Раскулачили моего деда в 1929 году в августе месяце. Мама в семье была младшей — двенадцатой по счёту. Одиннадцатая — сестра Мария. Старшие десять человек были мужского пола. В то время на одного мальчика давалась десятина земли, по-

этому земли у деда было много. На ней выращивали всё: и зерно, и овощи, и арбузы. Трудились все — от мала до велика.

Из воспоминаний мамы:

«…У тятеньки были арбузные бахчи. Рядом паслись овцы, и нам было велено приглядывать за ними. Если овцы забирались на бахчи, то начинали бить своими копытцами по арбузам. Спелые, тонкие корки без особого труда раскалывались, и они принимались выедать их сладкую и сочную мякоть. Мы с Маней разбивали арбузы о землю и тоже наедались ими вдоволь. Сок сбегал по нашим платьицам, рукам и ногам, делая нас липкими. Тогда мы бежали к речке, чтобы смыть его с себя. В очередной раз, купаясь в речке, мы не заметили, как овцы забрались на бахчи и начали раскалывать арбузы, а затем растаптывать их. К тому времени подоспел тятенька. Он не ругался. Что с нас было взять? Дети…»

Сыновья деда Гриши обзаводились семьями и отделялись от него. Управляться с хозяйством было труднее, и он стал нанимать батраков на работу из своего и соседних сёл.

Старший сын, Иван, на момент раскулачивания записался в колхоз, поэтому его семью не тронули, а остальных сыновей, как врагов народа, с жёнами и детьми, так же, как и моего деда, выслали в Казахстан.

Из воспоминаний мамы:

«…В ту ночь тятенька с маменькой долго не спали. В окно кто-то постучал, и тятенька вышел на крыльцо. Это был Иван. Они долго шептались о чём-то около брички. Следом вышла и маменька. Мы притворились, будто спим, но не спали и видели, как на дно брички тятенька с братом клали вяленую рыбу, сухари и ещё что-то. Потом всё это сверху прикрыли соломой. Маменька боялась и уговаривала тятеньку с братом не делать этого. Но они успокоили её:

— Сверху посадим детей, — сказал тихо Иван, — их не тронут, и бричку осматривать не станут.

Потом они обнялись. Маменька заплакала.

— Как только устроитесь на новом месте, сразу дайте мне весточку, — сказал брат и скрылся в темноте.

Наутро к нам пришли какие-то люди. Нас усадили на бричку, и на наших лошадях в сопровождении конвоя мы выехали со двора. Днями было жарко, а ночами прохладно. В пути нам давали какую-то баланду, но её невозможно было есть. Когда конвой засыпал, тятенька доставал со дна брички рыбу и маменька делила её маленькими кусочками на всех. Так и спасались…»

На сборных пунктах сформированные этапы отправляли к местам назначения в телячьих вагонах. Моего деда с семьёй отправили в Акмолинскую область. Добирались три месяца. Дорога была длинной и тяжёлой. С наступлением холодов больше стало появляться больных. В первую очередь заболевали старики и маленькие дети. Лекарств не было. Люди начали умирать. Хоронить не разрешали. Мёртвые тела оставляли на станциях. Из девяти семей до места назначения добрались три, одна из которых моего деда.

Из воспоминаний мамы:

«…Это было как раз перед ноябрьскими праздниками. В посёлок мы попали ночью. Конвой объявил, чтобы все, кто прибыл к месту назначения, в посёлок №5, жильё строили себе сами, т. е. копали землянки. Люди кинулись собирать в степи сухие ветки, чтобы разжечь костёр и согреться. Впереди показались огни посёлка. Тятенька приказал нам ждать его, а сам отправился на мерцающие в ночи огни. Через некоторое время он вернулся, но не один, а со старым казахом. В руках у них были лопаты и какие-то вещи. Накинув их на себя, мы отправились в дом старика, где согрелись и сразу заснули. Тятенька и старый казах всю ночь копали землянку. Наутро зем-

лянка была готова, и мы перебрались в неё. Знакомый казах одолжил нам солому и какие-то тряпки, чтобы было на чём спать и чем укрываться.

На следующее утро надо было отправляться на работу. Наравне со взрослыми работали дети, достигшие двенадцати лет. Коля отправился на работу вместе с родителями. Вещей тёплых ни у кого не было. Работа была тяжёлая, а зимы холодные. Коля заболел и не дожил до лета. Весной он умер от туберкулёза лёгких…»

Как только снег сошёл с земли, дедушка с бабушкой решили строить дом из самана. Они вставали с восходом солнца и месили ногами в корыте глину с соломой, потом сушили и нарезали из неё пласты. К осени дом был готов. Это был настоящий дом с печкой, окнами, дверью.

Через год тётя Маня отправилась учиться в школу-интернат в районный центр в Вишнёвку. Вместе с ней отправился и дедушка. Он выполнял в интернате все плотницкие работы, следил за чистотой комнат, в которых жили ученики, и за их дисциплиной. Бабушка и мама остались в посёлке одни.

В тот год мама сильно заболела. Бабушка с весны до осени работала на полях, как все женщины, а зимой нанималась на работу к учёным врачам, которые тоже были сосланы в Казахстан. Она убирала у них в доме, готовила. Хотя готовить особо было не из чего, жили немного лучше других. За работу в конце недели хозяева выделяли ей то несколько картошин, то крупы какой чашечку или муку. По просьбе бабушки врач осмотрел маму и сказал:

— Одна надежда на Бога. Лекарства нужны дорогие.

Как-то в бреду мама попросила солёного арбуза. Одна из женщин, которая была вхожа в круг врачей, принесла бабушке небольшую скибку. Бабушка положила её на табурет, рядом со стулом, на котором висело приготовленное на смерть платье из льна и косынка.

Из воспоминаний мамы:

«…Я открыла глаза и увидела солёный арбуз, взяла его в руки и принялась есть. Ничего вкуснее в своей жизни я не ела. Потом встала с лежанки и села на стул, на котором висело новое платье.

— Какое красивое! — подумала я и примерила его на себя.

Лучи солнца ярко светили в окно. Я накинула на себя пальтишко, ноги всунула в валенки, на голову повязала косынку и, шатаясь, вышла на улицу. Села на завалинку и начала петь частушки, какие знала, наверное, от счастья. Да так громко! Что не слышала, как маменька вошла во двор.

— Нюрушка, родненькая, живая! — кинулась ко мне маменька и начала обнимать и целовать. — Ой ты, Господи! И платьице надела, на смерть приготовленное! Ну, значит, долго жить будешь!

Я не могла понять, почему плачет маменька. Потом она мне рассказала, что я долго лежала без памяти, поэтому вся одежда к смерти была приготовлена заранее, как положено христианам…»

Мама долго не могла оправиться после болезни, болели ноги. Поэтому свой год к школе она пропустила и поехала учиться в Вишнёвку только на следующий.

Всё лето сестра Маня была дома. Но лето скоро закончилось, и она уехала на учёбу. Уехал и дедушка. Мама с бабушкой остались одни. На полях работы закончились, и бабушка снова отправилась работать к врачам. В конце недели она принесла домой маленькую чашечку муки и поставила в шкаф. На выходные дни дедушка и Мария не приехали, потому что шли сильные дожди, дороги размыло. Целую неделю надо было ждать, чтобы приехала сестра. На улицу мама не ходила, потому что не было обуви.

Из воспоминаний мамы:

«…Как-то утром, когда маменька ушла на работу, в окно кто-то постучал. Я подошла к нему и увидела соседских ребятишек с ведром грибов.

— Выходи на улицу! — махали они руками.

— У меня обуви нет! — ответила я.

— У нас, что ли, есть! — шумели ребятишки, поднимая вверх синюшные от холода ноги.

— Выходи!

Я вышла.

— Давай меняться! — предложил старший из них. — Мы тебе грибы, а ты нам чтонибудь взамен.

— У меня ничего нет, — ответила я.

— Как нет, а мука? Мы видели, как тётка Поля несла её домой.

— Я без спроса не могу, маменька заругает.

— Не заругает! Ты нам всего-навсего маленькую чашку муки, а мы тебе целое ведро грибов!

— Целое ведро грибов! — подумала я. — Вот маменька обрадуется!

Я подбежала к шкафчику, достала из него чашку с мукой и отдала старшему из ребят. День тянулся медленно, а мне так хотелось обрадовать маменьку! За окнами начало смеркаться, и вскоре она пришла.

— Нюрушка, завтра тятенька с Марией приедут, неси муку, я из неё пышечек напеку.

Я застыла как вкопанная.

— Ну, чего ты? Неси, она в шкафчике на верхней полке в чашечке стоит.

Я не знала, как сказать маменьке, что муки нет.

— Вот окаянная! — сказала она и сама подошла к шкафчику. Но муки там не было.

— Нюрушка, где мука? Ты никому не отдавала?

— Я её обменяла на грибы, — тихо сказала я.

— Что? — протянула маменька и присела.

Я видела, что она сильно расстроилась, и начала успокаивать её:

— Муки была всего маленькая чашечка, а грибов целое ведро…

— За эту чашечку я работала всю неделю! — голос маменькин дрогнул, а из глаз потекли слёзы. — Хорошо, — немного успокоившись, сказала маменька, — неси грибы, будем сушить их. Тятенька с Марией приедут, а мы им грибного супчика сварим.

Я занесла ведро с грибами в дом. Мы их перебрали. Потом маменька разложила их на печи, чтобы они подсушились.

— Нюрушка, больше никогда ничего без спроса не бери, — сказала тихо маменька и обняла меня.

А мне говорить ничего не надо было. Я на всю жизнь запомнила её слёзы…»

На следующий год моей маме тоже предстояла учёба в школе-интернате. Учиться ей было легко, потому что Мария во всём ей помогала. Дедушка всегда находился рядом. Бабушка теперь оставалась одна и в колхозе, и дома. Школьную жизнь мама часто вспоминала с юмором.

Из воспоминаний мамы:

«…Тяжело было всем. Но дети есть дети: находили время побаловаться. Помню, маменька сшила мне из суконной ткани штанишки, чтобы зимой не так холодно было. Пуговичка на них была тугая. Туалет находился на улице. На перемене мы все в него бегали, чтобы не отпрашиваться с урока. Пуговичку-то в туалете я кое-как расстегнула, а застегнуть не смогла, пальцы закоченели. Бежим обратно с подружкой, а штанишки сваливаются с меня. Тогда мы остановились, чтобы застегнуть пуговицу, не получается. К нам подбежали остальные ребята: и девочки, и мальчики. Начали помогать. Провозились долго

мы с этой пуговицей! Все опоздали на урок. Учитель поинтересовался, в чём дело?

— Мы Нюрке пуговицу на штанах застёгивали, — ответил Петя Ковалёв. Урок был сорван. Но учитель не стал приглашать директора в класс. Потом я попросила маменьку, чтобы она меньшего размера пуговицу пришила на штанишки...»

Когда мама училась в седьмом классе, бабушка сильно заболела.

Осень в тот год выдалась тёплая. Дедушка на выходные дни приехал один, и они с бабушкой в воскресный день (это был праздник Покрова Пресвятой Богородицы) отправились в поле. К тому времени у них была делянка в колхозе под картошку. С утра было солнечно. День обещался быть тёплым. Поэтому оделись они легко. Только стали подъезжать к делянке, небо затянуло серыми, холодными тучами и пошёл крупный снег. Какое-то время пришлось сидеть под бричкой. Погода немного наладилась, и они принялись за работу. Накопали много мешков картошки. Снег больше не шёл, но воздух сделался холодным. На обратном пути, проезжая мимо колхозных полей, бабушка увидела огромный кочан капусты, который красовался на краю пустого поля, и попросила дедушку остановить лошадь, чтобы сорвать его. Дедушка не хотел останавливаться, потому что понимал, что где-то рядом может находиться осмотрщик полей. Но бабушка его уговорила, и он остановился. Кочан капусты положили в мешок, чтобы не привлекать внимания. Пока до дома добрались, на улице стемнело и стало совсем холодно. Бабушка пожаловалась на плохое самочувствие и прилегла на кровать. С того вечера она не встала. Мама пропустила год учёбы, чтобы ухаживать за бабушкой.

— Это меня Бог наказал, — твердила бабушка, — нельзя было кочан капусты брать без спроса, да ещё в такой праздник.

Весной бабушки не стало. Дедушка, как мог, сам управлялся по хозяйству. Дочери навещали его на выходные дни и приезжали на каникулы. Время шло своим чередом. Приближались зимние каникулы. Ни мама, ни тётя домой не приехали, потому что начались сильные бураны. Дороги замело, не проехать.

В один из таких вечеров дедушка готовился ко сну и вдруг услышал стук в окно. Он подошёл к нему, отодвинул шторку, но ничего не увидел. «Наверное, показалось», — подумал он и сел на кровать. Залаял пёс, и снова послышался негромкий стук в окно. Дедушка снова отодвинул шторку и стал внимательнее присматриваться. Окно было всё запорошено снегом. Он едва разглядел две человеческие фигуры. Сначала подумал, что дочери приехали, но потом понял, что одежда на человеческих фигурах мужская. Пёс теперь не лаял, а жалобно скулил. Хозяин, почуяв что-то неладное, взял керосиновую лампу в руки и подошёл к двери.

— Кто там?

За дверью не ответили. Он едва открыл дверь, занесённую снегом.

— Хозяин, пусти переночевать, — услышал он женский голос.

Дедушка впустил ночных гостей.

— Лампу погасите, — попросила одна из женщин, — за нами погоня.

Вторая женщина, которая была старше, молчала. Видно было, что она потеряла много сил.

— Нам бы переодеться, — снова сказала молодая женщина. — А эту одежду надо сжечь, на ней лагерные номера.

Дедушка достал из шкафа одежду своих дочерей и предложил женщинам. Они переоделись. Увидев обмороженные руки и ноги, он принялся растирать их самогоном.

— Кто вы такие? И откуда? — спросил хозяин.

— Беглые мы. Из лагеря. Нас ищут. Если найдут — расстреляют. Вы не переживайте, мы только немного отдохнём и пойдём дальше. Но у нас к вам будет ещё одна просьба: одолжите какую-нибудь одежду, хоть мужскую, всё равно, чтобы было в чём уйти.

— Почему на вас мужская одежда?

— Мужчин, которые пытались совершить побег из лагеря, расстреляли. Закапывать не стали, земля мёрзлая и буран. Тела оставили недалеко от лагеря. Мы давно готовились к побегу. Всё сложилось как нельзя лучше. Когда возвращались с работы обратно в лагерь, начался сильный буран. Мы притаились за деревом. Как только женщины зашли на территорию лагеря и ворота за ними закрылись, мы приблизились к трупам и начали снимать с них одежду. Свою одежду закопали в снегу. Охрана кинулась не сразу. Сначала нас искали собаками, мы слышали их лай, потом лай прекратился, видимо, собаки потеряли след. Начали стрелять. Потом прекратилась и стрельба.

— Вы ложитесь спать, утро вечера мудренее, — сказал хозяин, — а наутро что-нибудь придумаем.

— Если до утра нас не найдут, — вступила в разговор другая женщина. Она была не русская. Это было слышно по акценту.

— Не найдут. Времени прошло много. Мой дом крайний. Буран сильный, потому и прекратили поиски.

Всю ночь хозяин не спал, размышлял, как быть дальше. Утром он встал чуть свет. Подошёл к окну. За окном буранило ещё сильнее: «Значит, и сегодня не придут». Он отварил в чугунке несколько картошин, достал из подпола квашеной капусты, нарезал хлеб, и завтрак был готов. Женщины проснулись. Теперь хозяин сумел разглядеть их. Та, которая была в мамином платье — молодая, чуть ли не ровесница её, вторая лет на десять старше.

— Вы не бойтесь, мы скоро уйдём от вас, возможно, сегодня ночью.

— Мне бояться нечего, — ответил дедушка. — Я вот что подумал, оставались бы вы у меня. Жена два года как померла. Девчата мои в районе. Приезжают на выходные да каникулы. А мне хозяйка в доме нужна. А то будет сразу две хозяйки.

— Как вы объясните наше появление у вас? — спросила женщина, что была старше.

— Сейчас время военное, у многих документы потеряны, скажу, что родственницы приехали, и попрошу, чтобы вас в колхоз приняли.

— Ну, допустим, ей поверят. А у меня акцент. Сразу будет понятно, что я не родственница.

— И с этим можно что-нибудь придумать. Насчёт моего предложения подумайте.

— У меня всех родных на войне убило. Мне идти некуда, — сказала та, что была моложе. — Я согласна остаться у вас. Меня Катериной зовут.

— Меня Гертрудой. Я из Эстонии. У меня двое маленьких детей дома осталось.

— Меня зовите дядей Гришей.

За три дня никто не появился. Буран не прекращался. Гертруду дедушка с Катериной собирали в дорогу. Погода как раз благоволила, и женщина немного окрепла. Дедушка отдал ей свою одежду. В вещмешок положил еду. Ночью Гертруду проводили к железной дороге и посадили в товарный поезд.

С тех пор Катерина её не видела. Но всегда была уверена, что она добралась к своим.

Из воспоминаний мамы:

«...Мы с Маней приехали на выходные дни и вошли в дом. На пороге нас встретила молодая женщина.

— Меня зовут Катериной, — сказала она, протягивая руку.

— Кто она такая? Как появилась в нашем доме? — это нас насторожило.

— Девчата, вы не пугайте Катерину, — вступил в разговор тятенька. — Раздевайтесь и к столу! Потом я вам всё расскажу.

Катерина оказалась очень хорошей хозяйкой, несмотря на свой молодой возраст. Еда была вкусная. В доме всё было прибрано как-то по-особому, с присущим ей вкусом. Надо сказать, что и одета она была по-городскому, что ли. После маменьки осталась швейная машинка, и Катерина из отреза ткани сшила себе красивое платье. Ткань, конечно, мы эту сразу узнали: маменька все отрезы, которые давали в колхозе, складывала нам на приданое. Она засмущалась, поняла, о чём в тот момент подумали мы.

— Вот, Мария, Нюра, примерьте! Я по вашим платьям сшила новые, дядя Гриша разрешил, — обратилась к нам Катя, доставая из шкафа платья. Они оказались нам впору.

Мы поблагодарили её. Тятенька рассказал нам историю, которая случилась той ночью.

— Пусть Катерина будет вам двоюродной сестрой. Так всем и говорите, мол, родители её погибли в войну, вот она и приехала к нам. А справку в сельсовете я ей выбью.

Так у нас появилась двоюродная сестра. Вместе с тятенькой она трудилась в колхозе и дома…»

Шёл сорок четвёртый год. Тётя Маня училась на втором курсе института сигнализации и связи. Мама окончила десять классов и готовилась к поступлению в педучилище. Во время войны много пленных немцев пригоняли в Казахстан для работ. Их расселяли по домам сельчан. В дом дедушки тоже поселили молодого немца. Он был болен и очень слаб.

— Меня Алекс зовут, — представился немец на ломаном русском.

Дедушка определил ему место в доме, в одной из комнат.

Всё лето мама ухаживала за ним, готовила отвары из трав. Он немного поправился.

Из воспоминаний мамы:

«…Когда я занималась подготовкой к экзаменам, Алекс подошёл ко мне и предложил помощь в изучении немецкого языка.

Я ответила, что для поступления в педучилище достаточно будет школьной программы. Тогда он начал рассказывать мне о своей семье: родителях, брате, сестре. Чувствовалось, как он сильно тоскует по ним. Неожиданно я увидела перед собой не военнопленного больного солдата, а молодого парня: высокого, красивого, с огромными голубыми глазами, любящего сына. Он взял меня за руку и сказал:

— Нюра, выходи за меня замуж. Я увезу тебя в Германию. Там хорошо.

— Что ты! Я тятеньку не оставлю. И в чужой стране не смогу жить.

— Подумай, Нюра, я тебя не тороплю…»

Вскоре мама уехала в районный центр, где удачно сдала все экзамены и была зачислена в педучилище. Теперь она возвращалась домой, чтобы объявить эту радостную новость близким. Дома её встретили дедушка и Катерина. Алекса не было. Его отправили в Германию. На кровати лежала записка, адресованная маме — это было признание в любви и просьба подумать о его предложении, связанном с переездом. Конечно, и дедушка, и Катя, у которой в войну погибли все родственники, были против этого. Мама успокоила всех, объявив, что не собирается никуда уезжать, потому что не любит Алекса. Целый год он писал ей письма и ждал положительного ответа. Мама не отвечала. Ответила один раз, когда собралась замуж. Было ещё одно письмо от Алекса

с пожеланием счастья и семейного благополучия. Больше писем от него не было.

Мама вышла замуж за моего папу. Семья получилась большой — девять человек детей, я последняя. Дедушка вернулся в Россию после долгих, тяжёлых лет, прожитых в Казахстане, в Ростовскую область к своему сыну Александру, единственному уцелевшему после войны. Остальные сыновья дедушки, кроме Александра и Ивана, во время войны попали в штрафной батальон. Никто не вернулся. Пропали без вести. Дедушка Гриша с Александром выстроили большой дом, который всегда был готов принять Маню с Нюрой. Мама хотела вернуться на Родину, но на тот момент она была замужней женщиной, и одного её согласия на переезд было недостаточно. Дедушка несколько раз навещал своих дочерей с внуками, пока позволяли силы и здоровье, и каждый раз звал с собой. Катерина переехала в Россию вместе с дедушкой. В знак благодарности за спасение она всю свою жизнь посвятила воспитанию детей и внуков Александра.

— Ростов на Дону — Саратов на Волге. Я тебя не догоню, у тебя ноги долги, — часто напевала мама частушку, прядя на прялке пух или шерсть для наших будущих носков.

— Мама, почему ты всегда поёшь эту частушку? — интересовалась я.

— Какую в детстве слышала, такую и пою, — шутила мама.

— Почему про Ростов?

— Это моя Родина. Только я родилась не в Ростовской области, а в Сталинградской.

Она плавно переходила к рассказам о своём коротком, но счастливом детстве в России. Они были настолько искренними и интересными, что хотелось их слушать снова и снова.

— Вот бы посмотреть на те места, где ты родилась! — говорила я.

— Жизнь такая большая и непредсказуемая! Возможно, и ты будешь жить в России.

— Как? Ты ведь здесь живёшь, значит, и я буду жить рядом с тобой!

— Это пока ты маленькая. Вырастешь, выйдешь замуж, и кто знает, куда тебя судьба забросит, одному Богу только известно.

Так оно и вышло. Сначала брат переехал в Россию. А после смерти мамы по очереди все сёстры. Папа умер, когда мне не было двух лет. Мама замуж больше не вышла.

Так и осталась лежать Нюра в казахских степях, которые радушно приняли её маленьким ребёнком.

Я благодарна своим родителям, бабушкам и дедушкам, прабабушкам и прадедушкам за то, что они жили, чтобы жили мы здесь и сейчас сегодня, и завтра — наши потомки.

Поезд во взрослую жизнь

Женьке не хотелось уезжать от мамы в другой город. Туда ей необходимо было отправиться для поступления в техникум. На поезде езды три часа, только вот пешком-то не дойти, если сильно соскучишься. Но мама настаивала на своём: «шить и стричь для себя всегда сможешь выучиться, а без диплома в наше время никуда». Да и Женька всё понимала, но не хотелось ей уезжать из своего любимого города, где каждая улочка знакома, дом, фонарный столб, деревце в парке. Всё это было частью её жизни. Женьке с Лерой приходилось гостить у старшей сестры Вероники в том городе, когда детсады закрывались на лето на ремонт, они нянчили племянников. Хорошего впечатления о себе он не оставил: кругом груды рыжей глины от глубоко вырытых траншей под фундамент, угольная пыль, по причине находившихся в нём угольных разрезов, чем он и славился, и однотипных пятиэтажек, разбросанных по разным концам города. И никакой зелени, разве что кое-где саженцы молоденьких тополей и берёз. Да к тому же она очень переживала, что может завалить экзамен по математике. Как она сдавала математику, лучше не вспоминать: ни списать, ни попросить помощи у соседа. Благо чья-то записка, свёрнутая в несколько раз и не долетевшая до своего адресата, упала Женьке на парту. Девушка аккуратно развернула её: «Вариант два, задание три». У Женьки первый вариант. Два первых задания из шести она сделала, но не знала, правильно или нет. Сю-

да же переписала третье задание из второго варианта, и прозвенел звонок.

— Неужели отправят на пересдачу? Вот позор будет. Позор-то переживу, а пересдать не смогу, — щёки девушки пыхнули жаром.

После обеда должны были вывесить на стенде оценки за контрольную работу. Никто из ребят не уходил домой. Вскоре вышла секретарь с листами итоговых оценок по математике, которые прикрепила к стенду. Ребята столпились возле него. Женька не решалась подойти. Стыдно. Вдруг два и на пересдачу? Понемногу ребята стали расходиться: кто удовлетворённый оценкой, кто не очень. Осталось несколько девчонок из класса, и Женька решила подойти к стенду, но тут ребята из соседнего класса ринулись к нему.

— Кать, — окликнула она девушку из класса, — посмотри, пожалуйста, есть ли двойки у кого-нибудь за контрольную работу?

— Твою оценку посмотреть, что ли? — спросила догадливая Катя.

Женька кивнула головой.

— У тебя три с бо-о-льшим минусом! — протянула Катя.

Женька чуть не запрыгала от радости: «Какая разница, с большим минусом или с маленьким! Кто этот минус вообще рассматривать будет! Главное, не отправят на пересдачу!»

И вот ей вновь предстояли экзамены. За русский язык и литературу она не переживала. А математика покоя не давала.

1980 год, в котором Женька окончила школу, был особенным как для страны, в нём ожидалась Олимпиада, так и для неё — девушка входила во взрослую жизнь.

С вечера Женька начала собирать школьный портфель: положила в него одну общую тетрадь, ручку и стержень.

Туда же отправила парадную одежду, полотенце, ещё кое-какие необходимые для неё вещи и пять советских рублей. Ночью плохо спалось. Утром она проснулась от вкусного запаха, доносившегося из кухни — это варились вареники с творогом. После завтрака мама отправилась на работу, пообещав дочери, что отпросится на полчасика, чтобы проводить её к поезду. Поезд по расписанию должен был отправляться в три часа дня. Пятиэтажка, в которой жила Женька, находилась недалеко от вокзала: пешком пятнадцать минут размеренным шагом. Но девушка всё равно боялась опоздать, потому что нужно было ещё успеть прострочить брюки, которые она с вечера раскроила, и отнести швейную машинку соседям. Брюки были готовы. Девушка примерила их и нашла, что они хорошо сидят на ней, надела рубашку в клетку, а сверху накинула трикотажную кофточку с капюшоном (дорога есть дорога), собрала волосы в два хвоста, перехватив их разноцветными верёвочками, и, в общем, была готова к поездке. Затем она отнесла швейную машинку соседям и, придя обратно в квартиру, села на диван перед дорожкой — так всегда делала её мама. Затем она вышла из подъезда и неторопливо направилась через аллею к зданию администрации, где работала её мама гардеробщицей, после выхода на пенсию. Мама, увидев дочь, вышла к ней навстречу.

Августовские дни стояли жаркие. Тротуары утопали в зелени, но кое-где на деревьях появились первые жёлтые листики. По глубокому, насыщенному синевой небу проплывали прозрачные облака. Луч солнца раскачивался в ветвях берёз, как младенец в люльке, так, что было слышно его сердцебиение.

Мама всю дорогу давала дочери какие-то наставления. Женька внимательно слушала, но волнение не покидало её: вот сейчас сядет в поезд и всё: ту-ту. Поезд прибыл вовремя. Мама поцеловала дочь в щёку и поспе-

шила обратно на работу. Женька смотрела ей вслед. Хотелось плакать. Вагон был наполовину пустым. Локомотив дёрнулся с места и покатил девушку в другой город. Перед глазами проносились знакомые ей места: небольшое озеро, наморщившись, как капризный ребёнок, готово было вот-вот расплакаться, так же, как и она. Ветер срывал с его поверхности белые гребешки и гнал к берегу, камышам, которые низко кланялись девушке, перешёптываясь между собой, видимо, прощаясь с ней, во всяком случае, ей так казалось. Бесконечная степь с серебристым ковылём была как будто продолжением озера. И здесь ветер лихо перекатывал мягкие ковыльные волны, то догоняя, то обгоняя поезд, врываясь в открытое окно вагона с запахами степных разнотравий. Зеленовато-рыжие сопки, как старые аксакалы на своих быстрых скакунах, в лисьих шапках неслись следом, пытаясь догнать её. На душе становилось тоскливо. Женька чувствовала себя беглецом, который втайне покидает родные места.

Лера, сестра Женьки, которая уже училась на третьем курсе Горного техникума, заранее на бумаге нарисовала ей план, чтобы легче было добраться до общежития. Женька выучила его наизусть. Вскоре серое невзрачное здание с разбитым крыльцом и тяжёлой железной дверью красовалось перед ней. Девушка дёрнула ручку двери на себя и вошла в холл.

— Ты к кому? — спросила вахтёр.

— К Лере Новиковой.

— Подожди, сейчас кого-нибудь попрошу, чтобы позвали её.

В холле появились две девушки.

— Неля! — обратилась пожилая женщина к одной из девушек. — Позови Новикову, к ней пришли.

Девушка свернула за угол узкого длинного коридора и вскоре появилась снова, следом за ней шла Лера.

— Тёть Кать, — обратилась Лера к вахтёру, — это моя сестрёнка, она будет жить со мной в комнате до поступления в техникум. Я с директором по этому поводу разговаривала.

— Надо же, какая прыткая! — возмутилась женщина. — Уже и с директором она разговаривала!

— Не обращай на неё внимания, — прошептала Лера Женьке. Сёстры захихикали и поднялись на третий этаж общежития в комнату 306. Комната Женьке понравилась. В ней стояли две кровати, две тумбочки, стол.

— Мы с тобой вдвоём будем жить? — поинтересовалась девушка.

— Вдвоём, наверное, не разрешат. Мы присмотрим какую-нибудь абитуриентку и возьмём жить к себе.

Лера была на преддипломной практике и работала на стройке. Женька тоже собиралась поступать на отделение ПГС (промышленное гражданское строительство), хотя никак не могла представить себя строителем. Сёстры поужинали, немного пообщались и легли спать. Утром Женька проснулась рано.

— Ну, как тебе спалось? — поинтересовалась сестра.

— Нормально.

— Ты давай готовься к экзаменам, у тебя первым будет сочинение, а вторым — математика.

Они перекусили, и Лера отправилась на работу.

Женька села на кровать и начала доставать из портфеля содержимое: ручку, тетрадь, любимый джинсовый сарафан и синий свитер. В этом наряде она пойдёт на экзамен. Пять рублей положила на тумбочку Лере. Немного осмотревшись, она вышла в коридор. Потом зашла в бытовку, в которой хозяйничала высокая, светловолосая девушка.

— Привет! — поприветствовала девушку Женька.

— Привет! — оглянулась незнакомка.

— Ты тоже новенькая?

— Ага, — ответила девушка, закладывая в кастрюлю картофель.

Женька задала незнакомке ещё пару вопросов, но, поняв, что девушка занята, решила вернуться в комнату.

Через некоторое время в дверь постучали — это была та самая незнакомка.

— Как ты узнала, что я живу в этой комнате?

— Я видела, как ты в неё входила. Меня зовут Леся.

— Меня Женя.

— Ты на какое отделение подала документы? — поинтересовалась Леся, проходя в комнату.

— Ещё ни на какое. Завтра с сестрой пойдём в приёмную комиссию. Ну, я думаю на ПГС. А ты?

— Я на ЭПТ, — ответила Леся.

— А ЭПТ — это что?

— Я точно не знаю, мне брат сказал, что это как-то связано с железной дорогой.

— Железная дорога — это точно не для меня! — засмеялась Женька.

Вскоре на обед пришла Лера. Леся ей очень понравилась, и она предложила ей заселиться к ним в комнату после сдачи экзаменов. Леся согласилась.

На следующее утро сёстры отправились в приёмную комиссию.

— На дополнительные занятия ходить будете? — поинтересовалась секретарь.

— Нет! — сходу выпалила Женька.

— Почему?

— Нет смысла.

Лера настаивала, чтобы сестра ходила на дополнительные занятия, но Женька наотрез отказывалась: «Русский язык и литературу и так сдам, а математику всё равно не сдам, хоть ходи на дополнительные занятия, хоть не ходи».

— Зря ты так, — сказала Лера, — тебе обязательно надо поступить! Если не поступишь, мама расстроится!

Первый экзамен девушка, как и предполагала, сдала на четыре/пять. А математику провалила. Теперь она была уверена, что поедет домой и будет работать парикмахером, как и собиралась. Но Вероника вызвалась помочь сестре. Её соседка этажом ниже работала в этом техникуме учителем математики.

— Тебе надо будет ещё раз сдать экзамен, — сказала Вероника, — только отделение будет называться не ПГС, а ЭПТ (эксплуатация промышленного железнодорожного транспорта). Там недобор. Так что тебе повезло!

В назначенный день Женька отправилась на экзамен. Она села на первую парту, как ей было сказано. Соседку Вероники кто-то вызвал из аудитории в коридор, и она, шепнув на ухо другому преподавателю что-то, вышла.

— Ну вот, — подумала Женька, — опять не сдам.

Татьяна Васильевна, так звали другого преподавателя, подозвала девушку к себе. Женька неуверенно встала и подошла к столу.

— Садись.

Девушка села рядом с преподавателем, положив на стол тетрадный лист с уравнениями.

— Молодец, — сказала Татьяна Васильевна, — ты правильно начала решать, сейчас дробь перевернём и сократим всё, что сокращается. Теперь рассмотрим следующее уравнение, — таким же спокойным и уверенным голосом продолжала преподаватель, озвучивая каждое действие, снова всё решив за Женьку. — Всё, ты свободна, можешь идти.

На следующий день в техникуме Женька с Лесей встретились возле стенда с оценками.

— Привет! Ты что тут делаешь? Пэгээсники уже давно отстрелялись!

— А я на ЭПТ, — ответила Женька.

— Как на ЭПТ? Ты же.... Ну, хорошо! Значит, вместе учиться будем!

Женька быстро пробежала глазами по листам, висевшим на стенде, и увидела оценку «три» напротив своей фамилии. У Леси была четвёрка. Но она очень расстраивалась по поводу сочинения, по нему у неё была тройка. Девушки зашли в приёмную комиссию, туда пригласили всех абитуриентов — решался вопрос об отправке их на сельхозработы на два месяца.

— Так, товарищи абитуриенты, теперь все езжайте домой за тёплыми вещами, — сказала заведующая отделением, — через два дня начнётся отправка по совхозам.

Женька с Лесей попали в совхоз им. Гагарина. Жили они в деревянном неотапливаемом бараке, в стенах которого имелись большие щели, и половина окон была замурована картоном. Ночами было очень холодно. Девушкам пришлось сдвинуть кровати, чтобы спать под двумя одеялами. Днями было ещё тепло, да и за работой некогда было мёрзнуть: то картошку собирали за комбайном, то морковь, то лук, то свёклу. Два месяца пролетели незаметно. И вот началась учёба. Женьке всё было интересно в техникуме. Она чувствовала себя взрослой. И училась хорошо, даже по математике в конце семестра вышла четвёрка. Первый учебный год для всех пролетел незаметно и начался второй. Группа, в которой училась Женька, состояла из одних девушек. Приближался праздник 23 февраля, и староста Лиза предложила пригласить к ним в группу парней, которые были на курс старше. Идея всем понравилась, и начались приготовления.

— Общаговские, приходите пораньше! — скомандовала Лиза. — Вам ближе всех — столы будете накрывать!

Женька с Лесей и ещё тремя девушками, живущими в общежитии, пришли к назначенному времени. Приготовление шло полным ходом. Лиза включила негромкую музыку. Постепенно подтягивались однокурсницы и го-

сти из соседней группы. И вот праздник начался. Староста группы была ведущей. Она проводила разные конкурсы, так что скучать никому не приходилось. Потом все дружно сели за стол, и девушки как радушные хозяйки стали угощать парней разными яствами.

— А теперь танцы! — объявила Лиза.

Кто-то из парней выключил свет и сделал музыку громче.

— Жень, — дёрнула подругу за руку Леся, — смотри, вон тот парень с тебя глаз не сводит. Кажется, сейчас подойдёт.

Парень действительно направился в сторону девушек, но ему преградила путь Таня, предложив потанцевать.

— Вот и хорошо! — обрадовалась Женька.

— Ну и зря! Парень очень даже ничего!

Праздник был в самом разгаре. Всё больше стало появляться парочек на подоконниках в коридоре. Женька предложила Лесе пойти в общежитие, сославшись на то, что хочет спать. Лесе не хотелось уходить, и тогда Женька решила идти сама.

— Вот упрямая! — возмутилась Леся и пошла следом.

На выходе девушек остановил тот самый парень.

— Девушки, вы куда? Праздник только начался!

— Нам пора, — ответила Женька.

— Может быть, вас проводить?

— Нет-нет, мы не в общежитие, домой к моей старшей сестре, — зачем-то она солгала.

На следующее утро перед парой девушки бурно обсуждали вчерашний вечер: кто с кем танцевал и кто с кем ушёл.

— А Таня-то наша с Сашей домой ушла! А он всё про Женьку выспрашивал! — ораторствовала Света.

— Ну, спрашивать-то спрашивал, а ночевала-то я у него дома, — съязвила Таня, входя в аудиторию.

— И что?!

— Ничего! Как честный человек должен будет жениться на мне!

Следом за Таней в аудиторию вошёл преподаватель, и девушки замолчали.

— Вот тебе и порядочный, — прошептала Женька Лесе на ухо.

— Да наша Таня кого хочешь окрутит!

Время шло своим чередом. На переменах Саша часто оказывался рядом с аудиторией девушек и всегда уделял знаки внимания Женьке, хотя в столовую ходил с Таней, которая каждый раз всей группе рассказывала о том, как Саша её обожает и что они скоро поженятся.

— Да врёт она всё! — говорила Леся. — Специально врёт, чтобы у вас с ним ничего не получилось!

При любом удобном случае Таня рассказывала о том, что у Саши шикарный дом и что его мама работает в ГОРПО главным бухгалтером. Эти рассказы стали потихоньку надоедать. Саша погрустнел, стал реже оказываться рядом с их аудиторией, и тогда Таня объявила всей группе, что они с Сашей подали заявление в ЗАГС и что через два месяца у них будет свадьба.

Тем временем у эпэтэшников начиналась первая производственная практика. Леся с Женей попали по распределению на разрез «Богатырь».

Электрички на все разрезы отправлялись рано утром по расписанию от станции Городской.

— Какая из них на разрез «Богатырь?» — поинтересовалась Женька у стоящих на платформе людей.

— Вторая, — ответил рядом стоящий мужчина.

Первая электричка ушла, и почти следом её место заняла другая. Люди, стоявшие на платформе, засуетились и, опережая друг друга, двинулись к вагонам. Женька с Лесей поспешили за ними. В тамбуре было накурено и тесно. Девушки задыхались от дыма. Хотели протиснуться внутрь вагона, но ничего не получилось, так как

народу было очень много, и они вернулись обратно в тамбур. Вдруг Женька почувствовала, что кто-то тянет её за воротник пальто. Она обернулась и увидела Сашу.

— Привет! К нам на практику?!

— Нет, не к вам! — сгрубила Женька, вероятнее всего от неожиданности, убирая руку от воротника пальто.

Парни, стоявшие рядом с Сашей, рассмеялись.

Электричка останавливалась часто, и на каждой остановке из неё выходили люди. Места в вагоне стало больше, и Женька предложила Лесе пройти внутрь вагона. Они так и сделали.

Вскоре электричка остановилась на станции «Богатырская», и толпа людей снова ринулась: только теперь из вагона на платформу.

— Ну вот, а говорили, что не к нам, — шутил Саша, обгоняя девушек.

Толпа людей растянулась на несколько метров. Девушки старались успевать за остальными. Вскоре вся толпа оказалась в здании АБК. В коридоре было много народа: кто-то ждал электричку, чтобы отправиться домой после ночной смены, кто-то автобусы для отправки в разрез. Возле кабинета начальника станции толпились дежурные.

— Нам, кажется, сюда, — догадалась Женька.

Девушки поздоровались со стоящими в коридоре дежурными и вместе с ними зашли в нарядную.

Начальник станции, Вера Сергеевна, сразу обратила внимание на новеньких.

— Так, дежурные, расписывайтесь в журнале быстрее, мне надо успеть провести инструктаж с практикантами.

Дежурные покинули нарядную, и Вера Сергеевна начала инструктировать новеньких.

— Кто из вас сегодня останется на смену? — спросила начальник станции после инструктажа.

— А вместе нельзя? — поинтересовалась Женька.

— Нет. Будете ходить в разные смены.

Девушки не могли договориться. Тогда Вера Сергеевна решила, что останется Женька. Её закрепили за диспетчером станции «Узловая», Надеждой Хлопчик. Фамилия ей очень подходила. Внешне девушка больше напоминала паренька: грубый с хрипотцой голос, жилистые руки и короткая стрижка на голове. На вид девушке было лет тридцать.

— Тебя как звать-то? — поинтересовалась Надежда уже в диспетчерской, разглядывая с ног до головы стройную молодую девушку.

— Женя.

— Женька, значит. Ну, садись за пульт! Лидка, если будет время, что- нибудь расскажет тебе!

Лида — это оператор, миловидная худенькая девушка. На первый взгляд она казалась медлительной, но это только казалось. Все кнопочки и стрелочки на пульте под её руками, словно по мановению волшебной палочки, переводились мгновенно. Одновременно загорались сотни лампочек: белых, красных, зелёных, жёлтых и синих! Лида была малоразговорчива, да, в общем-то, и некогда было разговаривать. Женька сидела и смотрела на всё происходящее огромными от удивления глазами. От мигающих разноцветных огней глаза начали слезиться. Лида, одновременно с приготовлением маршрутов для поездов, объявляла по громкоговорящей связи о приближающихся поездах, так как на путях работали путейцы и ээсцэбисты. Надежда громко кричала в рацию, выполняя манёвры.

Женька смотрела на всё происходящее, и ей в голову приходила только одна мысль: «Я никогда не смогу здесь работать».

Приближался обед. Девушки не могли оторваться от работы.

— Ты бы хоть чайник согрела! — обратилась к девушке Надежда. — Видишь, нам некогда!

Женька вскипятила чайник и сообщила об этом девушкам.

— В кружки налей, пусть остывает! — выкрикнула Надежда.

Лида всё-таки решила выпить чаю и попросила Женьку немного поработать за пультом.

— Чего сидишь?! — возмутилась Надежда. — По громкой объявляй! На путях люди работают! С третьего пути на станцию Роторная отправляется ОПЭ-216. Путейцы, будьте осторожны! Повтори три раза!

Женька, как ей объяснила Надежда, три раза чётко объявила по громкоговорящей связи:

— С третьего пути на станцию Роторная отправляется ОПЭ-216. Путейцы и ээсцэбисты, будьте осторожны!

Дверь диспетчерской открылась, и в неё вошёл машинист «тэмочки».

— Это кто у нас здесь появился? Слышу новый голосок по громкой!

— Стажёр! А ты где шляешься?! Я из-за тебя локомотив под погрузку отправить не могу!

— Ну, Надюх, чего ты раскричалась? Я мигом, только вот познакомлюсь поближе с вашим стажёром!

— Я кому сказала! Бегом на «тэмку»!

— Ох и вредная ты баба, Надька! — махнул рукой машинист локомотива и вышел из диспетчерской.

Надежда попросила Лиду, чтобы та принесла ей стакан с чаем. Лида поставила стакан с чаем ей на стол, рядом положила печенье.

День тянулся медленно. От шума рации и от того, что хотелось есть, кружилась голова.

— Ты на нас не смотри! — сказала Надежда в конце смены. — Если есть хочешь, иди и ешь! Мы, бывает, за день и маковой росинки в рот не кладём!

Женька зашла за табло, достала из сумочки булочку с кефиром и перекусила. После перекуса хотелось спать.

— Жень! — позвала девушку Лида. — Объяви, пожалуйста, по громкой, я тоже чего-нибудь пожую — ОПЭ-305 на станцию Раздельная!

— Хорошо, — ответила Женька и подошла к пульту.

Надежда выполняла манёвры. Она нервничала, вызывала машиниста локомотива по рации, но тот не отвечал.

— Вот архар, а?! Сигнал открыт, чего стоит?!

Немного подождав, Надежда продолжила:

— Уважаемый, у тебя, что, из ротика воняет?! Чего молчишь?!

Женька вспрыснула от смеха.

Вскоре подошла Лида и начала вызывать по громкоговорящей связи машиниста локомотива.

— Узловая! Слушаю, слушаю, — послышалось из рации.

— Слушает он! Маневровый вам открыт, можете осаживаться за 35-ю стрелочку!

Локомотив медленно стал занимать стрелочные секции и остановился на 35-й стрелке.

— Осаживайтесь дальше, мне надо стрелку перевести, — инструктировала диспетчер машиниста «тэмки».

Локомотив медленно освобождал стрелочную секцию. Надежда смотрела на табло и ругала машиниста «тэмки»:

— Ну, что ты тянешься, как глист по извёстке?!

— Лида, а почему никто из машинистов не возмущается? — спросила Женька оператора. — Она же их оскорбляет по рации.

— Ха-ха-ха! — засмеялась Лида. — Да ты что?! Если бы она так по рации с ними разговаривала, её бы давно с работы уволили! Ты же видишь, когда она ругается, клапан на рации отпускает!

— А-а… — протянула девушка и тоже рассмеялась.

— Надь, слышишь, — обратилась Лида к диспетчеру, — Женя думала, что ты все ругательные слова в рацию отпускаешь!

Надежда рассмеялась и даже, кажется, помягчела. Вскоре пришла новая смена. Девушки покинули здание, перешли станционные пути и стали подниматься на смотровую площадку по лестничным маршам. Деревянные перила и ступеньки скрипели и качались от ветра, и человеческого веса. Было страшно.

— Женька, тебе надо будет обувь поменять, — обратилась Надежда к девушке, — иначе без каблуков останешься.

В автобусе уже сидели дежурные с других станций, и Женьке пришлось трястись на заднем сиденье. Водитель автобуса развернулся возле здания АБК и остановился. Девушки вышли из автобуса. Вскоре на платформу пришла электричка, и все вагоны снова заполнились рабочими. Свет в электричке был тусклым. За окном виднелись огоньки разреза. Медленно падал крупный снег. Женька согрелась и закрыла глаза. Под стук колёс хорошо дремалось. Вдруг локомотив резко дёрнулся, и электричка остановилась. Девушка открыла глаза и увидела Сашу, который сидел напротив в следующем ряду. Он улыбался и не сводил с неё глаз. Женька смутилась и отвернула лицо к окну. Снег за окном теперь не падал, а летел с шумом, будто кто-то наверху вспарывал мешки с сахаром. Дежурные сидели рядом, играли в карты. Вскоре электричка прибыла на Городскую станцию, и все рабочие высыпали на платформу. Автобусы были переполнены: Женька кое-как втиснулась в свой. На улице стояла темень, а попутчиков не было, поэтому, выйдя из автобуса, она шла быстро. Оглядываясь по сторонам, девушка добежала до общежития и по инерции быстрым шагом поднялась на третий этаж. Леся уже отдыхала, ей надо было с утра на работу. Женька включила ночник, выпила чаю

и вскоре тоже легла. Но заснуть сразу не получилось, в голову лезли разные мысли. Столько всего сегодня произошло с ней: то мелькало лицо Саши, то лица Нади и Лиды, то толпы в электричке. Одна мысль накладывалась на другую, и в голове была каша. Только к утру удалось заснуть.

— Динь-динь, — донеслось до уха девушки.

Это прозвенел будильник. Женька повернулась на другой бок, хотелось ещё немного поспать. Леся позавтракала и вышла из комнаты. Женька ещё немного понежилась в постели и тоже встала, привела себя в порядок и отправилась в магазин, надо было сделать кое-какие покупки. Весь день она прокручивала в голове свою первую рабочую смену:

— Сегодня мне в ночь, я никогда не работала ночью, смогу ли?

В электричке она опять видела Сашу, он сидел напротив и улыбался.

— Зачем? — думала Женька.

Ночная смена далась девушке нелегко: глаза закрывались, голова падала вниз, будто кто-то дёргал её за верёвочки. Не помогали ни вода из крана, ни ходьба по диспетчерской. Надежде, казалось, это доставляло удовольствие. Лида сочувственно смотрела на Женьку, а потом предложила немного поспать за табло на лавке.

— Интересно, с чего вдруг она будет спать? Зарплату ей будут платить такую же, как и тебе! Пусть сидит!

— Ну, давайте, я буду что-нибудь делать, иначе засну, — предложила Женька.

— Ещё натворишь чего, а мне потом расхлёбывайся! Сиди и смотри!

За окном раздался скрежет колёсных пар и гудок локомотива.

— Узловая! — донеслось из рации. — Готовьте свою практикантку для знакомства с разрезом!

— Собирайся! — скомандовала Надежда.

— Я никуда не поеду!

— А тебя никто спрашивать не будет! Тебе с разрезом надо знакомиться, чтобы знала, где какая стрелка, станция расположена. Собирайся!

Девушка оделась и спустилась по лестницам вниз, диспетчерская располагалась на втором этаже. На третьем станционном пути перед переходным мостиком её дожидался локомотив с порожними вагонами.

Ночь была холодная. Ледяной ветер стучал по путевым знакам, светофорам, контактным проводам, локомотиву, крыше здания, цеплялся за Женькин вязаный беретик и шарф. Помощник машиниста открыл дверь, помог девушке подняться в кабину и исчез, она осталась одна. Локомотив дёрнулся с места и покатился по боковому пути. Женька осмотрелась. В кабине было чисто. На маленькой электрической плитке закипал чайник. Крышка чайника вздрагивала. Шумела рация. Вскоре дверь в кабину локомотива открылась, и в неё вошёл машинист. Это был Саша. Девушка от неожиданности покраснела. Но Саша быстро взял ситуацию в свои руки.

— Сейчас будем пить чай. Или кофе?

Женька пожала плечами.

— Вообще, у меня есть вкусное айвовое варенье и шоколадные конфеты, так что будем пить чай!

Саша наполнил два стакана чаем, открыл баночку с вареньем, достал из портфеля конфеты. Всё это он расположил на пульте управления локомотивом. Завязалась беседа. Саша расспрашивал девушку обо всём: из какого города она приехала, почему не живёт у сестры и удачно ли сложились отношения с соседями по комнате. Сначала девушка неохотно рассказывала о себе, до этого ей никогда не приходилось общаться наедине с парнем, поэтому была вся в напряжении, но постепенно напряжение ушло, и беседа приобрела дружеский характер.

— Ты мне лучше скажи, что эта за станция? — прервала допрос Женька.

— Это станция Роторная, а выше Тупиковая. Ты тоже после окончания техникума будешь работать на какой-нибудь из этих станций.

— Наверное.

— Как это, наверное? Наверняка! Сейчас мы заедем под погрузку, я пройду в другую кабину, а ты недолго побудешь одна. Не пугайся!

Саша ушёл, и Женька осталась одна. Она закрыла глаза и немного вздремнула.

— Проснись, красавица! — разбудил девушку Саша.

Снова завязалась беседа. Саша шутил, улыбался, держался непринуждённо. Время летело быстро, и главное — Женьке не хотелось спать.

— Ну, вот мы и подъезжаем, — с грустью в голосе произнёс Саша и взял в руки рацию:

— Узловая! Заберите пассажира!

— Можете ещё рейс сделать! — послышалось из рации.

Видно было, что Саше это предложение пришлось по душе. Он повеселел. Женьке тоже было хорошо рядом с ним. За небольшой промежуток времени он стал ей ближе. Девушкой овладела необъяснимая радость, которая сначала клокотала где-то внутри, а потом поднялась на поверхность к щекам, и её уже нельзя было скрыть.

Утром пассажирку высадили на станции.

— Ну, как поездка? — поинтересовалась Надежда.

— Хорошо, — ответила Женька и села за пульт.

Вскоре пришла смена, и девушки стали собираться домой. В электричке Саша, как прежде, сидел напротив и не сводил с Женьки глаз. Девушке нравилось, что молодой человек делает ей знаки внимания, но она понимала, что это неправильно, и решила своими рассуждениями поделиться с Лесей.

— Ну, это же хорошо, что он тебе уделяет столько внимания!

— Нет, Леся, не хорошо.

Девушка понимала, что Саша ей тоже нравится, и от этого ей становилось тревожней, она боялась в него влюбиться. К тому же Женька слышала от Валентины, однокурсницы, которая тоже работала на этом же разрезе, только в другую смену, что Таня беременна. Больше встреч наедине с Сашей не было. Два месяца практики пролетели незаметно. Приближались майские праздники. Смена была ночная. Женька с другими дежурными шла в нарядную. В небольшом коридорчике, похожем больше на тамбур, который служил запасным выходом из здания АБК и через который чаще рабочие выходили к автобусам, ей преградил путь Саша. Он притянул её к себе. От него пахло спиртным.

— Пусти! — испуганно сказала Женька и оттолкнула его от себя.

— Мне надо с тобой поговорить, — заплетаясь, выговорил Саша.

— Ты же пьян!

— Это я для храбрости, — оправдывался молодой человек и, больно сдавив руку девушки, снова притянул к себе.

— Пусти! — возмутилась Женька и, вырвавшись из его объятий, поспешила вслед за остальными девушками.

— Я буду тебя здесь ждать! — прокричал ей вслед Саша.

Женька направилась к нарядной. Начальник станции объявила, что автобусов на Городской станции завтра с утра не будет, потому что все дороги перекроют в связи с майской демонстрацией, и что всем работникам надо будет дружно отправиться на парад. Конечно, эта новость никого не обрадовала, потому что после ночи всем хотелось спать.

Девушки вышли из нарядной. Женька шла последней, чтобы не привлекать к себе внимание. Она быстро проскочила маленький коридорчик, в котором её обещал дождаться Саша. Никто девушку не остановил, и это радовало. Но только она вышла из коридора, как Саша схватил её за руку и потянул за угол.

— Пусти! — возмутилась Женька.

— Же-ень, ты чего?! Испугалась меня, что ли?!

— Испугалась! Ты пьян!

— Ну, я же объяснил почему. Женя, можно мне будет завтра тебя проводить с Городской в общежитие?

— Нет, — освобождая руку, ответила девушка.

— Почему?

— Потому что ты женат.

— Тьфу! — сплюнул Саша. — При чём здесь это?!

— При том! Понимаешь, мне бы не хотелось оказаться на месте Тани. Я давно хотела тебе об этом сказать, но случая не было.

— Ну, ты же ничего не знаешь! И не хочешь знать! Не люблю я Таню!

Саша раскачивался из стороны в сторону. Женька никогда его таким не видела.

— Нам не нужно встречаться, Саша. Это неправильно.

— Подумаешь, какая правильная! — сказал парень и, качнувшись, отошёл в сторону.

До конца практики Женька больше Сашу не видела: ни на Городской станции, ни в электричке, но чувствовала, что он наблюдает за ней со стороны. От кого-то она слышала, что Саша теперь ездит на работу на первой электричке. Женьке не хватало его внимания. Но девушка понимала, что на чужом несчастье счастья себе не построить. «Я всё правильно сделала», — успокаивала она себя. Постепенно всё встало на свои места. До конца практики оставался один месяц. Как-то, будучи с ночной смены, Женьку в холле общежития остановила вахтёр.

— Новикова, тебе с подругой надо зайти к директору!

— А что случилось? — поинтересовалась девушка.

— Это я у тебя должна спросить, что случилось.

Клавдия Петровна в общежитии работала недавно и никого ещё из проживающих в общежитии не знала. Девушка поднялась в комнату, где её дожидалась Леся, она в этот день была дома, так как поменялась сменами.

— Зачем нам к директору, Леся? — поинтересовалась девушка.

— Не знаю.

Здание техникума находилось напротив общежития, в двух минутах ходьбы. В приёмной девушек встретила секретарь.

— Николай Фёдорович, пришли! — оповестила секретарь директора, приоткрыв дверь.

— Пусть зайдут! — донеслось из кабинета.

Кстати будет сказать, что и директор в техникуме тоже работал недавно. Девушки вошли и поздоровались.

— Кто вам дал такое право позорить честь техникума?! — с порога набросился директор на девушек.

— Вы о чём? — растерянно спросила Женька директора, будучи уверена, что произошло какое-то недоразумение.

— Хамка! Она меня ещё спрашивает, о чём я?! Как твоя фамилия?!

— Новикова, — ничего не понимая, ответила Женька.

— Та самая Новикова, собственной персоной! Это кто ж тебя надоумил писать такое на плакате, да ещё вывешивать на всеобщее обозрение?!

— Какой плакат? — ничего не понимая, переспросила девушка.

— У меня сегодня с утра был партийный работник, он проходил мимо общежития и прочитал на плакате, который висел на окне: «Нам работы не надо — хлеба давай!». Или ты будешь отрицать это?!

— Какой плакат? Какое окно? Я ночью работала! — возмутилась Женька. — Ты что молчишь? — она толкнула Лесю в бок.

— Мы ничего не писали и не вывешивали, — робко произнесла Леся.

— В стране и так не спокойно! А вы тут с такими лозунгами! Исключу из техникума к чёртовой матери! Пошли вон!

Директор был просто взбешён, и девушки вышли из кабинета. Женька, кажется, начинала кое-что понимать.

— Пойдём в комнату к Зинке! — предложила она подруге.

— Зачем?

— Сейчас узнаешь.

По дороге Женька рассказала Лесе, что вчера перед уходом на работу заходила в соседнюю комнату за уксусом, по причине того, что в комнате уксуса не оказалось, чтобы прогладить складки на юбке. Так в советское время делали модницы: уксус с мыльным раствором соединяли и проглаживали складки через марлю, чтобы они не распадались. Зинка была приглашена на свадьбу к подруге. Она хорошо рисовала, и ей доверили оформление зала. Нужно было что-нибудь нарисовать и написать на плакатах. Женька увидела настоящие шедевры, ну и похвалила девушку.

— У меня остался ещё один плакат, но я не знаю, что на нём написать. Жень, подскажи что-нибудь, — обратилась девушка к Женьке.

— Не знаю. Ну как там: «Муж — голова, жена — шея», или ещё что-то в этом роде.

— Да это всё уже есть!

— Ну не знаю…

— А ты куда такая красивая? — поинтересовалась Зинка.

— На работу.

— А, нам хлеба не надо — работу давай!

— Или наоборот: «Нам работы не надо — хлеба давай!». Ха-ха-ха! — рассмеялась Женька.

Видимо, Зинке понравился этот призыв, и она большими буквами написала на плакате услышанное и повесила его у себя на окне с уличной стороны. Проходивший мимо общежития партийный работник прочитал это и, естественно, как «настоящий патриот» своей Родины направился прямиком к директору техникума. Директор пообещал разобраться в данной ситуации и всех провинившихся строго наказать. И хотя Женька с Лесей не писали таких слов на плакате, понятно было, что и плакат висел не на их окне, но расплачиваться должны были они, а вернее Женька. Инициатива наказуема. То ли девушки мало интересовались политикой, то ли в Казахстане в те годы было всё ещё относительно спокойно, но о каких-либо волнениях им не было известно. Ничего такого и по телевизору не показывали.

Девушки поднялись на третий этаж и начали стучать в соседнюю комнату. Никто не открывал.

— Зинка, открывай! Я знаю, что ты дома!

Через какое-то время дверь открыла Зоя, сестра Зинки, и сразу начала причитать:

— Девочки, пожалуйста, возьмите всю вину на себя. У нас отец строгий. Вас директор уже не исключит, потому что вам год остался доучиться, а Зинка только поступила.

— С какой стати? — возмутилась Женька. — И где Зинка?

— Она заболела и уехала домой. Девочки, пожалуйста, ну хотите, я встану на колени перед вами?! — умоляла Зоя, цепляясь за руки девушек.

Картина для девушек была малоприятной, поэтому они решили оставить Зою.

— Пойдём ещё раз к директору и объясним ему, что это не мы писали, — предложила Женька Лесе.

Девушки зашли в приёмную. Секретаря на месте не было, и они постучали в дверь кабинета директора.

— Войдите! — донеслось из двери, и девушки вошли.

— Николай Фёдорович, — начала Женька, — понимаете, мы с Лесей ничего не писали на плакате, и плакат не на нашем окне висел…

— Мне студентка Зина сказала, что именно ты надоумила её написать такое!

— Ну, это неправда!

— Ты ещё оправдываться будешь, хамка! Через неделю чтобы с родителями были все тут или исключу из техникума!

— Ну, это…

— Я всё сказал!

Девушки вышли из кабинета. Нужно было ехать домой.

— Я никуда не поеду, — спокойно сказала Леся.

— Почему? Нас же исключат!

— Ну, исключат так исключат. У меня мама в положении. У неё беременность плохо протекает. Ей нельзя расстраиваться.

Ни Зоя, ни Зина, ни Леся не стали сообщать родителям, потому что боялись. Женька понимала, что обманывать маму нельзя. Она поехала к Веронике и рассказала о случившемся.

— Конечно, поезжай домой, надо обязательно обо всём маме рассказать, чтобы исправить положение.

Женька поехала на вокзал и купила билет. «Хорошо, что я сегодня с ночи, — подумала она, — завтра успею вернуться». Девушка заняла боковое сиденье в вагоне, положила голову на столик и весь путь проплакала. Было обидно, и она не знала, как всё объяснить маме. Мама выслушала дочь внимательно и пообещала приехать. Всю

неделю Женька ходила сама не своя. В понедельник мама, как и обещала, приехала. Но Женька не встретила её. И на этот раз она была с ночной смены, проспала. Будильник, судя по ослабленной пружине, прозвенел, но девушка его не услышала. Когда она проснулась, то поняла, что времени прошло уже достаточно.

— Надо же. Неужели мама не приехала?

Потом девушка догадалась, что мама, скорее всего, дожидается её на вокзале, так как не знает, где находится общежитие. Женька как ошпаренная выбежала из общежития и всю дорогу до вокзала бежала бегом. Мама действительно сидела на лавочке возле вокзала.

— Мам! Я проспала, не услышала будильник! Я сегодня с ночи! Лучше бы не ложилась! — приближаясь к матери, оправдывалась дочь.

— Не оправдывайся, — сказала спокойно мама и обняла дочь.

Женька взяла из её рук сумку, наполненную продуктами, и они прошли к автобусной остановке. Можно было, конечно, и пешком дойти до общежития, но Женька видела, что мама была уставшей.

К назначенному времени они пришли в техникум. Секретарь пригласила их в кабинет директора. Директор недружелюбно встретил гостей.

— Явились! А где остальные?!

— Во-первых, здравствуйте, — сказала Женькина мама.

— Здравствуйте! — недовольно ответил директор. — Вырастила хамку! Что ты за мать?! Говорят, яблоко от яблоньки недалеко падает!

— Женя, выйди, — сдержанным тоном сказала мама дочери, — нам надо поговорить с товарищем директором с глазу на глаз.

Девушка смотрела то на директора, то на маму и не знала, что ей делать.

— Выйди! — сказал директор.

Женька вышла. Она стояла за дверью и старалась хоть что-нибудь уловить из их разговора. Но до уха доносились лишь отдельные слова. Девушка нервничала. Примерно через полчаса мама вышла из кабинета директора взволнованная. Несколько минут Женька не решалась у неё что-либо спросить.

— Меня исключат? — спустя некоторое время она спросила маму.

— Пусть попробуют! Стипендию платить не будут. Ничего как-нибудь этот год переживём. Там на работу устроишься. Пойдём отсюда! Хамка… Пусть поищут таких хамок!

У Женьки от сердца отлегло. Она всегда удивлялась и в то же время восхищалась, как маме удавалось призвать человека к совести, практически не повышая голоса. Таких ситуаций было достаточно. Мама всегда просила детей говорить ей правду: «Так я смогу доказать вашу правоту».

Женька была счастлива. Вскоре практика закончилась, и начался учебный год. В группе собрались все, кроме Тани. У неё теперь было свободное посещение: она стала мамой, поэтому приходила, когда ей было удобно. Когда же Таня появлялась на занятиях, то частенько разворачивалась к девушкам, которые сидели на камчатке, и подолгу рассматривала Женьку. Как-то раз, когда преподаватель по каким-то причинам задерживался, она опять развернулась к девушкам.

— Мой муж говорит, что в нашей группе самая симпатичная — Женя.

В воздухе повисла пауза.

— Только вот я не пойму, что он нашёл в ней такое?

Женька оторопела и не сразу сообразила, что на это ответить. Но на помощь пришла Лиза.

— Наверное, то, чего в тебе не нашёл!

Вся группа рассмеялась. Вошёл преподаватель, и девушки успокоились.

— Лесь, что ей от меня надо? — шёпотом спросила Женька.

— Да ну её! Ты ещё за неё заступаешься! Нашлась честная! Давно бы с Сашей закрутила роман.

— Там, на камчатке, успокойтесь, — прервал беседу девушек преподаватель.

После пар вся группа получала стипендию. Женька с Лесей собирались в общежитие.

— Новикова, Неклюдова! Вы почему стипендию не получаете? Кассиру надо кассу закрывать! — раздался голос старосты Лизы.

— Лиза, ты что, специально, чтобы обидеть? — спросила Женька.

— Я вам правду говорю! Идите и получите деньги! Кассиру уходить надо!

Девушки неуверенно подошли к окошечку.

— Как фамилия? — спросила кассир.

— Новикова.

— Вот, получи и распишись.

Женька расписалась в ведомости напротив своей фамилии. То же проделала и Леся. Стипендия была повышенная. Девушки пожали плечами.

— Лиза, ничего не перепутали? — поинтересовалась Женька.

— Ничего! — уверенно ответила Лиза. — Я ходатайствовала на педсовете перед заведующей отделением, объяснила, что и у тебя, Женя, и у тебя, Леся, семейное положение тяжёлое, поэтому решили, так как у вас больше никаких провинностей не было, выплачивать стипендию, как и получали, повышенную.

— Лиза! Спасибо тебе огромное! — обрадовались девушки и расцеловали старосту.

На дворе стоял ноябрь месяц. Как-то в один из таких дней Леся отказалась идти на большой перемене в общежитие на обед, сославшись на то, что ей нездоровится и она пойдёт в медпункт.

— Я с тобой пойду, — предложила помощь Женька.

— Нет, не надо, ты лучше бутерброд прихвати, чтобы я успела перекусить.

После большой перемены (она длилась двадцать минут), вся раскрасневшаяся от мороза Женька вошла в аудиторию. Девушки стояли возле первого стола, шептались о чём-то и передавали деньги Свете, которая всё фиксировала в тетрадь.

— Кому деньги собираем? — поинтересовалась Женька, проходя мимо девушек.

— Никому! — ответила Света.

— Ну, не очень-то и хотелось! — пошутила Женька, пройдя на своё место.

— Лесь, кому деньги собирают? — спросила девушка подошедшую к столу подругу.

— Не знаю, — ответила Леся.

— Как не знаешь? Ты же тоже сдавала деньги, я видела.

Леся замялась, но потом сказала:

— Женька, ты не обижайся, меня просили тебе ничего не говорить. Ну, я тебе всё равно расскажу, потом.

— Когда?

— В комнате, в общежитии.

— Можешь не говорить, раз тебя просили.

В аудиторию вошёл преподаватель, и все волнения стихли.

В комнате Леся рассказала Женьке о том, что девушки собирают деньги на коляску Таниному малышу. Так как Таня пригласила в гости всю группу, кроме Женьки, то однокурсницы решили ей об этом не говорить.

— Ну, ребёнок тут ни при чём. Пойти — я не пойду, а деньги на коляску сдам.

На следующее утро Женька подошла к Свете и положила на стол деньги на коляску Таниному малышу. Время шло своим чередом. Как-то после занятий девушки опять собрались в круг что-то обсуждать. Женька не стала подходить.

— Жень! — окликнула девушку Света. — Тебя Таня тоже приглашает сегодня в гости.

— Спасибо.

— Ты пойдёшь?

— Нет.

— Женька, давай сходим! — уговаривала Леся подругу.

— Зачем? Там будет Саша. Я бы не хотела с ним встречаться.

— Женя! — снова обратилась Света к девушке. — Таня сказала, что тебе можно будет находиться у неё дома до десяти вечера, Саша сегодня в день.

— Спасибо, Свет, за информацию!

— Жень, ну давай сходим! Мне так интересно посмотреть, в каком доме Таня живёт! Она всегда хвастается!

— Лесь, тебе интересно, ты и иди.

— Я боюсь поздно одна возвращаться. Больше из общежития никого не будет.

Женька согласилась, хотя понимала, что ей не следовало идти на поводу у подруги.

Дом, в котором жили Таня с Сашей, действительно был очень большим, добротным. Внутри него были все удобства. Таня, как настоящая хозяйка, суетилась по дому. В ванной комнате в стиральной машине крутились пелёнки Максимки, на кухне в кастрюльке варились овощи для салата. Кто-то из девушек вызвался помочь чистить картошку. Из детской раздался плач, Таня вбежала в неё, перепеленала сына и отдала его в руки Валентины. Ребёнок не успокаивался. Потом все девушки по очереди брали малыша на руки, пока Таня возилась с пелёнками. Но малыш не успокаивался.

Когда Женька взяла малыша к себе на руки, он замолчал. В комнату вошла Таня.

— Ну, весь в папаню! Тоже эта тётя нравится?

Таня взяла из рук девушки малыша, и он снова расплакался. Она покормила его и опять вручила Женьке.

— Ну, раз он у тебя молчит, нянчи!

Было восемь вечера. Женька понимала, что всё к столу уже готово, но Таня нарочно выжидает время.

— Леся, пойдём домой, — предложила она подруге.

— Зачем, мы ещё за стол не сели?

— Лесь, мы и не сядем.

— Я накрывать на стол не буду, подождём Сашу, — наконец озвучила Таня, — он любит, чтобы всё к его приходу было горячим.

Девушки стали собираться, и Таня не стала их удерживать.

На следующий день вся группа, как обычно, бурно обсуждала прекрасно проведённый вечер. Света во всех подробностях рассказывала, какой был замечательный ужин и какой у Тани галантный муж. Вскоре это событие, как и всё, что происходит в жизни, забылось и ушло на второй план, а тем временем начиналась двухмесячная преддипломная практика. В один из классных часов классный руководитель зачитывала фамилии девушек и разрезы, на которых им предстояло работать. Женьку и Лесю распределили на разрез «Богатырь».

— Я не буду работать на «Богатыре»! — возразила Женька.

— Почему? — удивилась классный руководитель. — Уже списки утвердили.

— Она с моим мужем не хочет встречаться, — съязвила Таня. — А ты знаешь, это благородно.

— Тогда надо будет подойти к секретарю и переписаться, — посоветовала Евгения Васильевна.

После производственной практики на станции Узловая с диспетчером Надеждой Хлопчик Женьку, казалось, трудно было чем-то удивить, и, возможно, поэтому разрез «Степной» встретил её радушно. Диспетчер Юля была очень спокойной и мягкой девушкой, а оператор Катя хохотушкой. Отношения сложились дружелюбные. Женьку полюбили все: и начальник станции, и начальник депо, и слесаря, и вагонники. Вот только Лёнька — слесарь, которому было примерно лет тридцать пять, не давал девушке прохода. То ли шутки ради, то ли действительно она ему нравилась, он постоянно гонял её вокруг депо, когда ей приходилось выходить с письменным разрешением или с жезл-табличкой к локомотиву. Лёнька видел, что девушка его боится, и это его ещё больше возбуждало, поэтому, увидев её где-нибудь в депо, он кричал: «Ага! Попалась!» — и бежал навстречу. Девушке ничего другого не оставалось, как убегать. Про Лёньку все говорили, что он любитель молоденьких девушек, что ни одну юбку не пропустит мимо! Но это не успокаивало Женьку. Все её жалобы на слесаря никто всерьёз не воспринимал. Катя вскоре ушла в декретный отпуск, и Женька осталась вместо неё. Как-то, работая в ночную смену, после отключения электроэнергии ни один сигнал не открывался. Вручную готовились маршруты, и надо было к каждому локомотиву выносить разрешение на отправление: либо письменное, либо жезл-табличку. Женька выбегала на станционные пути оглядываясь, потому что понимала, что её где-то поджидает Лёнька. Станция должна была работать, несмотря ни на что. Слесарь слышал, как по громкоговорящей связи диспетчер объявляла машинистам о том, что оператор должен поднести разрешение, и подкарауливал девушку. Несколько раз Женьке удавалось улизнуть от него, но когда она в очередной раз возвращалась обратно в диспетчерскую, Лёнька схватил её за руку и потащил в конец коридора.

— Пусти! — кричала девушка.

— Ну ты чего такая дикая?! Парней никогда, что ли, не видела?

— Таких дураков не видела! — кричала Женька, пытаясь вырваться.

В это время в коридоре появился начальник депо, и Лёнька отпустил девушку. Женька забежала по лестнице на второй этаж, и вся взволнованная села за пульт.

— Ты чего вся раскраснелась? — поинтересовалась Юля. — Опять Лёнька?

Девушка покачала головой.

— Он тебя не обидел?

— Нет.

— Ну, ты отпор давай ему! Иначе не отстанет — тот ещё фрукт!

Нужно было в очередной раз выносить разрешение к локомотиву, но Женька отказалась.

— Да, ты что?! Это работа! — возмутилась Юля.

— Не пойду!

— Николай Иванович, срочно поднимитесь в диспетчерскую! — несколько раз повторила диспетчер по громкоговорящей связи.

— Что случилось, Юленька? — поинтересовался Николай Иванович, заходя в диспетчерскую.

— Вот, несите разрешение на третий путь! — сказала диспетчер и протянула жезл-табличку начальнику депо.

— Да ты что? Я не оператор! Вон, Женечка пусть несёт!

— Женечка отказывается, потому что ваш Лёнька не даёт ей работать!

— Ну что за глупость?!

— Мне всё равно, кто понесёт разрешение, но за простой накажут всех, — сказала Юля.

— Женечка, неси разрешение, — просил Николай Иванович. — Ну что он тебе сделает? Он же шутит.

Женька отказалась, и Николаю Ивановичу ничего другого не оставалось, как нести табличку к локомотиву.

— У нас новый оператор? — подшучивал машинист локомотива.

Лёнька видел, как начальник депо вынес разрешение к локомотиву, но только лишь посмеялся. Николай Иванович поднялся в диспетчерскую и сказал Юле, что он уже поговорил со слесарем и теперь Женечке нечего бояться, может смело выходить к станционным путям. Во что, конечно, Женька не поверила. После включения электроэнергии ээсцэбисты долго не могли привести автоматику в норму, поэтому Женьке хочешь не хочешь надо было выходить из диспетчерской на станцию. Девушка в очередной раз спустилась по лестнице вниз и прошла к ожидающему её локомотиву, вручила разрешение машинисту поезда и пошла обратно. На этот раз она схитрила и обошла здание с другой стороны, тем самым удлинив себе путь в два раза. Начальник депо в это время ходил между вагонами. Женька окликнула его и попросила проводить в диспетчерскую.

В это время из другого конца коридора навстречу к ним шёл Лёнька.

— Иди, — сказал Николай Иванович девушке, — я тебя догоню.

Он остановил слесаря и что-то начал ему говорить. Женька быстро поднялась на второй этаж. Минут через пятнадцать в диспетчерскую зашёл и начальник депо.

— Всё, Женечка. Я поговорил с Лёнькой. Теперь он к тебе на пушечный выстрел не подойдёт!

На этот раз Николай Иванович сказал так убедительно, что девушка ему поверила. До конца смены она Лёньку не видела. Наутро, когда девушки выходили из депо, к ним навстречу шли машинисты локомотивов и их помощники. Они о чём-то громко разговаривали. Когда один из машинистов поравнялся с Женькой, то сказал ей:

«А ты молодец! У нас ещё такого не было, чтобы вся планёрка посвящалась оператору!» Оказывается, Николай Иванович поднял вопрос на планёрке о том, что слесарь Криволапин отвлекает оператора выполнять работу и не выполняет свою. Лёньке влепили выговор. Практика подходила к завершению, и нужно было готовиться к дипломной работе. Начальник станции предложила Женьке постоянное место работы дежурной по станции.

— Я понимаю, что будет тяжело одновременно работать и готовиться к сдаче экзаменов, — сказала Нина Степановна, — но тебе потом не надо будет искать работу, да и лишняя копеечка не помешает. К тому же ты нам всем очень понравилась.

Для Женьки это стало неожиданностью. Она согласилась. Нина Степановна не раз навещала девушку на станции, интересовалась: нравится ли ей работать дежурной, и как бы между прочим рассказывала о предназначении каждого пути, стрелки и тупика. За что Женька была ей очень благодарна. Тем не менее подготовку к диплому никто не отменял, и девушки в поте лица корпели над работой. У Леси дела с графиками обстояли лучше, чем у Женьки. Станция, которую Лесе надо было отразить в графике, была та, на которой она работала. Женьке попалась станция, которую она в глаза не видела. Все чертежи она выполняла сама и понимала: что-то с её графиком не то. Экзамены девушки сдали хорошо, оставалось только защитить свои чертежи. Леся защитила на четыре, а у Женьки нашли ошибку в графике и поставили тройку. Классный руководитель предложила ей перезащитить свои чертежи с другой группой, но Женька отказалась, потому что надо было опять с кем-то меняться сменами, да и чувствовала, что устала. Дипломы и нагрудные знаки пообещали выдать только через неделю после сдачи экзаменов. В день выдачи дипломов Леся была на смене, и Женька пошла в техникум одна. В аудитории было мно-

го девушек. Среди них была и Таня. Евгения Васильевна поздравила девушек с окончанием учёбы и в торжественной обстановке вручила дипломы и нагрудные знаки всем, кто в этот день пришёл. Мероприятие закончилось, и девушки стали расходиться. Женька вышла из аудитории и прошла мимо Тани, стоявшей у окна.

— Жень, подожди! — окликнула её Таня. — Мне надо с тобой поговорить!

Девушка остановилась.

— Ты меня прости. Понимаешь, я не верила, что у тебя с моим мужем ничего не было. Потому что он часто о тебе рассказывал, какая ты хорошая. А я всё это время ревновала.

— Я прощаю тебя, Таня, — сказала Женька.

— Значит, ты на меня не сердишься?

— Я же сказала, что прощаю, — повторила девушка.

— Жень, подожди, я самое главное тебе не сказала, Саша приглашает тебя в ресторан. Ну, диплом обмыть. Он хочет тебя со своим другом познакомить. Нас будет четверо: я с Сашей и ты с Федей.

— Спасибо, Таня. Друга я себе сама найду.

— Так что мне Саше передать? Он будет ждать ответа.

— Так и передай, что отказалась.

— Спасибо тебе, Жень, — сказала Таня и быстрыми шагами направилась к выходу.

Женька пошла следом, открыла тяжёлую входную дверь здания и вышла на крылечко. Вдохнула полной грудью тёплый летний воздух и почувствовала, что ей стало легко. Потом она спорхнула с крылечка и, постукивая каблучками, пошла вперёд, вдоль магазинных рядов, вглядываясь в их стеклянные витрины.

Головоломка

Наверняка каждый знает, что такое пазл — это складная картинка, которую требуется собрать из множества фрагментов различной формы, связь между частью и целым, картинка из кусочков. Эта игра похожа на нашу жизнь, в которой мы собираем пазл за пазлом, чтобы получилась целостная картина. Вот и в этом рассказе речь пойдёт об одной картинке, вернее, об одной детальке к этой картинке, телефонном аппарате. А закатись куда-нибудь хоть одна деталька из этой головоломки, и весь пазл оказался бы не нужным.

Слух прошёл в конторе о том, что Володька Трифонов уезжает в Германию. Кто-то одобрительно отозвался по этому поводу, кто-то не очень. Впрочем, как обычно: сколько людей, столько и мнений. Марина порадовалась за Володьку, хотя немного было жаль, что больше с ним не увидится: она его знала со студенческих лет. И в общежитии они жили одном. Комната Володькина располагалась этажом выше. Он со своими друзьями часто приходил в гости к Марине и Ольге, когда заканчивались продукты. Особенно любил Володька жареную картошку и Ольгу, нравилась она Володьке, но в итоге он женился на Юле. В Володьке было всё: и голубые глаза, и вьющиеся русые волосы, и высокий рост, и спортивное телосложение, и фирменные джинсы, и доброжелательность, и обходительность, и слова, которые текли реченькой, словом, хорошим он был парнем. Девчонки вились возле

него, как пчёлы вокруг благоуханного цветка, вытянув свои хоботки, чтобы напитаться нектаром. Но суть не в этом.

После окончания техникума Марина с Володькой работали на одном предприятии. Здесь же Володька и познакомился со своей будущей женой Юлей. Девушка работала по распределению в этом городе в отделе связистов. Сама она родилась в Краснодарском крае и всегда грезила после отработки положенных трёх лет уехать обратно к себе на Родину. Но после развала Советского Союза многое изменилось, люди стали уезжать из стран ближнего зарубежья: кто в Россию, кто в Германию, кто ещё куда, в общем, искали себе место под солнцем. У Юли родственники жили в Германии, вот и решили они с Володькой туда уехать.

Володька работал начальником отдела связи и, чтобы оставить о себе добрую память, раздаривал друзьям и знакомым телефонные аппараты. Конечно, не свои личные, а производственные. Марина работала в аппарате управления машинисткой. В один из рабочих дней, перед обедом, Володька зашёл к ней в кабинет. Ему надо было срочно набрать платёжку, чтобы успеть получить все необходимые выплаты по увольнению.

— Мариш, выручай! — сказал Володька. — Надо срочно набрать! У нас с Юлькой билеты на послезавтра. Квартиру продали, живём у моих родителей.

— Ну, конечно, выручу! Подожди в коридоре минут десять, — сказала Марина.

Платёжка была набрана, девушка выглянула в коридор и позвала Володьку в кабинет.

— Мариш, спасибо тебе огромное! Я отблагодарю!

— Придумал! Хотя, знаешь, я слышала, что ты всем оставляешь на добрую память о себе аппараты телефонные, подари и мне!

— У тебя дома телефон есть? — поинтересовался Володька.

— Нет, но будет! — шутила Марина.

— Хорошо, я что-нибудь придумаю.

На следующее утро он принёс Марине телефонный аппарат ярко-красного цвета.

— Себе оставлял, — смущённо сказал парень, протягивая девушке яркую коробочку.

— Володька, я же пошутила! Что ты в самом деле!

— Бери! Будешь вспоминать меня добрым словом. Там, кстати, и номер есть, правда, рабочий, может быть, пригодится?

Марина поставила телефон на стол рядом с печатной машинкой.

Внизу аппарата на белой бумажке шариковой ручкой был написан номер: 3-07-31.

Как-то вечером, за ужином, Сергей начал разговор о том, что многие коллеги по работе и знакомые уезжают из Казахстана в Россию, и предложил Марине съездить в гости к его тётушкам в Сибирь, чтобы присмотреть там себе жильё. В конце марта они взяли отпуск и поехали в гости, как и собирались, взяв с собой Антошку, он ходил в детский сад, а дочь Варю оставили с бабушкой, матерью Сергея, она ходила в первый класс — пропускать учебу нельзя!

Сибирь покорила Марину своей широтой: белые, казалось, безбрежные поля тянулись на много километров вперёд. По краям, будто охраняя, стояли высокие, стройные берёзы, как солдаты в маскхалатах на определённом расстоянии друг от друга. Там, где девушка родилась, берёзки называли танцующими или карликовыми, они тоже были очень красивыми, но не такими высокими и стройными, как эти, поэтому она смотрела на них с восхищением. Радовали глаз то небольшие церквушки, то высокие соборы, которые возвышались на пригорках над реками в своих золотистых уборах с высокими шпилями, украшенными ажурными крестами, врезающимися в си-

нее небо. В груди что-то клокотало, как будто вбирало в себя то забытое, но знакомое: и церквушки с соборами, и белоснежные поля, и белоствольные березки, и синее небо. Марине становилось понятнее выражение «широкая русская душа».

Тётушки Сергея жили в небольшом сибирском городке, состоящем в основном из частного сектора. Кое-где лишь возвышались двух-трёх и ещё реже пятиэтажки. Все они на тот момент работали, поэтому отпускники были предоставлены сами себе. Погостив несколько дней у тётушек в городе, Сергей предложил Марине съездить в деревню к своему дяде. Добираться туда надо было на автобусе два часа. Дядя не знал о приезде своего племянника, так как телефонов в деревне не было, за исключением почты, но это был выходной день, суббота, а почта по выходным дням не работала. В автобусе женщина почтенного возраста, увидев незнакомые лица, поинтересовалась, к кому едут молодые люди.

— К дяде Жоре, — сказал Сергей.

— А фамилия какая?

— Ефимов.

— Знаю, знаю такого. А Георгий-то знает, что вы едете к нему в гости?

— Нет. Сюрприз хотим сделать, — улыбнулся Сергей.

— Сюрприз — это хорошо! Но к нему не добраться просто так: снега много, он рыхлый, провалиться можно по самую шею. Я вижу, ты в ботиночках, а жена твоя в сапожках, к нему в забродах идти надо! Под снегом воды талой много, можно ноги промочить, и это в лучшем случае!

Вскоре женщина вышла на своей остановке. В автобусе, кроме Сергея и Марины, оставался молодой парень. Сергей спросил у водителя, как лучше пройти к Ефимовым? Тот ответил, что надо знать места, чтобы понять, как к ним пройти. Поэтому лучше идти напрямик по мо-

стику через речку. Автобус остановился, и пассажиры вышли из него. За парнем подъехал запорожец и увёз его. Молодые люди остались одни.

— Последний раз я здесь в гостях был совсем маленьким, — сказал Сергей, — забыл дорогу, но надеюсь, что интуиция не подведёт.

Он взял Антошку на руки. Марина шла рядом. Чем дальше они продвигались вперёд, тем сугробы становились выше. Снег под ногами проваливался.

— Может быть, вернёмся назад, — предложила Марина, провалившись в очередной раз в сугроб по пояс. — Ноги все мокрые, так и заболеть можно.

— Мы прошли полпути, нет смысла возвращаться, — сказал Сергей. — Я думаю, что дядя Жора нас встретит.

— Каким образом? Он ведь не знает, что мы приехали!

— Тот парнишка, который вышел вместе с нами из автобуса, должен ему об этом сказать.

— С чего ты взял, что он скажет о нашем приезде твоему дяде?

— В деревне так. Все друг друга знают и помогают.

— Ну, посмотрим.

Далеко впереди показались дома. Но до них надо было идти и идти!

— Я больше не могу! — сказала Марина. — Давай остановимся.

— Дядя Жора должен нас встретить, — твердил Сергей, продвигаясь вперёд.

Начало смеркаться. Мариной овладел страх остаться в этих сугробах до утра.

— Это дядя Жора! — ободрился Сергей. — Видишь, человек навстречу идёт!

Девушка присмотрелась, действительно вдалеке появилась человеческая фигура.

— А если это не он?

Человек шёл навстречу к ним. Теперь можно было разглядеть, что под мышкой он нёс что-то.

— Точно, дядя Жора! — воскликнул Сергей. — Видишь, сапоги под мышкой несёт!

Минут через десять мужчина оказался рядом с молодыми людьми. Это был дядя Жора. Он обнял Сергея, поздоровался с Мариной, взял на руки Антошку и предложил молодым людям переобуться. Через речку был переброшен деревянный мостик.

— Смотрите, аккуратно, тут половины досок нет. По нему давно никто не ходит, — сказал дядя, продвигаясь медленно вперёд.

Мостик прошли благополучно. Сразу за мостиком стоял высокий дом. Это был дом дяди Жоры.

На крыльце гостей встречала тётя Аля: сгорбленная седая старушка с беззубой добродушной улыбкой, приглашая пройти в дом.

— Банька как раз готова! Жора, как чувствовал, протопил! — воскликнула она радостно.

Дом был уютным и тёплым и сразу расположил к себе гостей. В нём имелись четыре больших комнаты с высокими белыми потолками и белыми стенами. Мебель имелась обычная, как у всех в советское время: сервант, шкаф, стол, телевизор и кровати. Тётя Аля определила комнату гостям за кухней. Теперь надо было переодеться и идти париться в баню, чтобы не заболеть. Марина с Антошкой пошли первыми.

— Минут через пятнадцать приду, Антошку заберу, — сказал Сергей.

Надо сказать, что баня была замечательная, срубленная из хорошего леса, просторная, высокая, светлая. Полки широкие. В деревянных вёдрах лежали запаренные берёзовые веники. В кадке была набрана холодная вода. Жар в бане стоял сильный. Марина слегка похлопала Антошку берёзовым веником, обмыла его тёплой водой, вы-

несла в предбанник, и как раз зашёл Сергей. Он закутал сына в одеяло и понёс в дом. Марина выдержала ещё несколько минут в сильном жару и тоже вышла. Сергей парился долго. Тётя Аля за это время успела накрыть стол: на нём стояла квашеная капуста, здесь же солёные огурцы и помидоры, домашняя колбаса, хлеб. На печке в чугунной сковороде шипела яичница на сале. После сытного ужина и насыщенного дня хотелось спать. Тётя разобрала кровати и уложила гостей отдыхать.

Наутро Марина проснулась от вкусного запаха: тётя Аля пекла блины на раскалённой печке. На столе стояли творог и сметана.

— Чай вскипел! Пойдёмте завтракать! — сказала хозяйка гостям, приветливо улыбаясь. Она теперь смогла разглядеть лучше Сергея, Марину, Антошку, накануне не успела, родственники рано легли спать.

И Марина смогла лучше разглядеть тётю Алю. Она теперь не замечала её беззубого рта, видела лишь светящиеся жизнью тёмно-карие глаза.

— А что, дядя Веня далеко от вас живёт? — поинтересовался Сергей, обратившись к тёте, вытирая рот полотенцем после сытного завтрака, вспомнив своего двоюродного дядьку.

— Через три дома. Вы хотите проведать его? — спросила тётя Аля.

— Ну конечно, раз здесь, хотелось бы проведать и его.

— Правильно, он же твой дядька, хоть и двоюродный.

— Пойдёмте с нами! — предложил Сергей родственникам.

— Мы с ними в ссоре, — включился в разговор дядя Жора. — Так что вы сами!

— Если они тебя не узнают, — шепнула на ухо тётя Сергею, лукаво улыбнувшись, — скажи, что участковый пришёл, что, мол, жалоба поступила на них за то, что самогон гонят.

— Тёть Аль, вы чего? — рассмеялся Сергей.

— Пугни их! — расплылась тётя в детской добродушной улыбке.

Последние мартовские деньки выдались тёплыми: солнце стояло высоко в небе и светило ярко. Снег потел и тяжело дышал, как занедуживший, и с каждым выдохом оседал всё ниже и ниже. Кое-где по жирной чёрной земле, освободившейся только что от снега, бежали ещё робкие первые ручейки. Пели птицы. Воздух наполнялся весенней свежестью. Настроение молодых людей было приподнятым. Вскоре они стояли возле дома дяди Вени.

Сергей постучал в калитку. Из дома вышел пожилой мужчина высокого роста и вежливо спросил: «Вам кого?»

— Я участковый, по жалобам соседей! — решил подыграть тёте Але Сергей, вспомнив её напутствия. — Жалуются, что самогон гоните!

— Кто это там жалуется? — послышался женский голос за широкой дядиной спиной. — Ефимовы, небось! Так они сами гонят! Вы к ним сначала сходите! — возмутилась женщина.

Сергей открыл калитку и зашёл во двор.

— В дом не пущу! — преградила путь Сергею розовощёкая женщина крепкого телосложения.

— Сергей, хватит шутить! — обратилась Марина к мужу и, повернувшись к воинственно настроенной женщине, сказала: — Это ваш племянник!

— Какой ещё племянник?

— Тёть Тонь, это я — Сергей Беликов!

— Серёжка! Ты это, что ли? Я смотрю, вроде на Петра похож! Ох, как же ты на отца-то похож, на Петьку! Похож! — воскликнул дядя Веня. Потом он несколько раз постучал по плечу Сергея и протянул ему руку.

Тётя Тоня, как будто это не она была только что, кинулась к племяннику на шею и начала целовать в обе щёки.

Гости прошли в дом. Тётя Тоня забегала по нему, как заведённая, приговаривая:

— Вот радость-то какая! Вот радость-то! Племянник в гости приехал! За столько лет!

Марина предложила тёте свою помощь, тётя доверила ей расставлять на столе посуду. Вскоре стол, как скатерть-самобранка, наполнился разными яствами. Здесь стояла домашняя колбаса, разогретая на сковороде со сливочным маслом, картошка отварная, грибочки маринованные, яичница, капустка, соленья разные и компоты, ну и, конечно, тот самый пресловутый самогон!

— Не-не! Я не буду! — отмахнулась Марина.

— Да ты что? Он полезный, лечебный! — настаивала тётя Тоня. — За приезд обязательно надо выпить! Такая радость! Компотиком сразу запьёшь!

Марина сделала несколько глотков горячительного напитка и, открыв широко рот, замахала руками.

— Вот, вот! На! Запей компотиком! — протянула тётя стакан с компотом.

— Какой вкусный компот! Из чего он, тётя Тоня?

— Ой, здесь и малинка, и брусничка, и смородинка, и клубничка! Моей снохе тоже нравится! Она называет его «нектар», — ответила хозяйка и расплылась в улыбке.

Дядя Веня расспрашивал Сергея о родственниках, интересовался, где кто и кем работает? В общем, завязался мужской разговор.

— Сергей, — обратилась к племяннику хозяйка, — ты уж прости меня, старую, что накинулась на тебя!

— Я сам хорош! — рассмеялся Сергей.

На улице смеркалось, и молодые люди стали собираться, объяснив хозяевам, что Антошка может закапризничать в чужом доме.

Дядя Веня сунул в карман Сергею бутылку самогона.

— С Жорой за наше здоровье выпьете!

— Хорошо, наверное, Антонина с Вениамином вас встретили? Раз так загостились? — улыбалась тётя Аля, поджидая родственников на крыльце.

Сергей рассказал тёте, как он подшутил над родственниками. Видно было, что и Ефимовы, и Шафаростовы давно хотели помириться между собой. А тут такой повод!

Антошка сладко спал, провалившись в перьевую перину. Тётя Аля поинтересовалась, сколько дней планируют племянники у них погостить.

— Ну, дня три ещё погостим и поедем, — сказал Сергей.

— Что так мало? Разве мы плохо встретили вас?

— Очень хорошо вы нас встретили! — вступила в разговор Марина. — Сергей ещё не всех тётушек в городе проведал. Хочет каждую навестить, а то ведь неизвестно, когда ещё свидимся.

— И то правда! — сказал дядя Жора. — Пойдёмте, я вам своё хозяйство покажу.

Марина разбудила сына, и они вышли во двор. За баней, в которой до сих пор стоял жар, располагался большой сарай. В нём в стойле мычали коровы, в клетках, на деревянном полу, похрюкивая, лежали огромные свиньи, в углу на голой земле сидели и покрякивали утки, и только куры бегали по всему сараю, как ошалевшие, путаясь под ногами.

— Большое хозяйство у вас, дядя! — сказал Сергей.

— Это уже небольшое, сил меньше стало. Раньше у меня раза в три хозяйство было больше!

Затем они зашли в огород, которому, казалось, не было конца. В нём, кроме больших сугробов снега, ничего не было видно. Кое-где лишь проглядывали макушки яблонь.

— Зима снежная в этом году. Значит, урожай будет хорошим!

Всю ночь был слышен странный звук, похожий на треск. Оказалось, это лёд ломается на реке. Начался ледоход.

— Если речка разольётся, то вам здесь придётся пробыть две недели, не меньше, — сказал дядя Жора. — У нас в половодье детей в школу на тракторах вывозят.

— Ну, за два дня не разольётся, — вступила в разговор тётя Аля. — В крайнем случае, на тракторе к автостанции вывезти можно.

И в эту, и в следующую ночь было слышно, как лёд ломался на реке.

— Мы завтра уедем, — сказал Сергей родственникам.

— Правильно, я договорюсь на завтра с соседом, чтобы он вас к автостанции отвёз, пока проехать можно, — сказал дядя Жора.

Тётя надеялась, что на завтра уже нельзя будет проехать к автостанции и родственники останутся ещё недели на две у них погостить. Дядя Жора встал рано утром, и они с соседом поехали на разведку. Когда вернулись, то объяснил, что сегодня ещё можно будет проехать в одном месте, завтра будет поздно. Сергей с Мариной собрали сумку, взяли Антошку и, попрощавшись с тётей Алей и дядей Жорой, сели в машину к соседу. Через полчаса они были на автостанции. Автобус подошёл вовремя и забрал пассажиров.

— Сегодня, видимо, мой последний рейс, — сказал водитель, — теперь только недели через две возобновится движение.

— А если кому-то срочно понадобится выехать? — поинтересовалась Марина.

— Только на тракторе, другой транспорт здесь не пройдёт.

Приехав в город, Марина с Сергеем и Антошкой направились к дому тёти Лиды, у которой остановились в первый день своего приезда.

— Что так рано приехали? Или плохо вас встретили? — спросила тётя.

— Лёд на реке тронулся, — ответил Сергей.

Следующий день был посвящён посещению оставшихся без внимания тётушек, а на другой день отпускники уехали.

В деревне Марине понравилось, но бездорожье пугало. Сам город не особенно понравился, да и работы в нём, по рассказам тётушек, было немного.

— Давай на следующий год поедем к моим родственникам, — предложила Марина Сергею, — может быть, там нам больше понравится?

На следующий год поехать не получилось, но через два года они всей семьёй отправились в гости к родственникам Марины на юг России.

Сергея покорил Дон. Он любил рыбалку и часто ездил на озёра за несколько километров от города, чтобы порыбачить. А тут и ехать никуда не надо, можно пешком дойти.

Александр и Елена радушно встретили гостей. Старшая их дочь Екатерина была гидом, она возила гостей в Волгоград, показывала все достопримечательности города. Были они и на Мамаевом кургане, и в планетарии. А накануне Рождества побывали в храме. Там как раз шли приготовления к празднику. Им посчастливилось наряжать ёлку. Впечатлений осталось много!

— Смотрите сами. Где вам больше понравилось, туда и переезжайте, — сказала Марине сестра Елена. — Здесь с работой тоже не особо. Ты, Марина, может быть, где-нибудь устроишься, а Сергей вряд ли. Мужчины наши в основном работают вахтовым методом.

Десять дней пролетели быстро, и отпускники уехали обратно домой. Марина надеялась, что Сергей успокоится скоро. Но муж каждый вечер затрагивал тему переезда.

— Пойми, если мы переедем в Россию, то это безвозвратно, — говорила Марина. — У нас здесь хорошая работа, зарплата, квартира, дача. Там пока ничего нет. Это очень серьёзный шаг. Надеяться надо будет только на себя. Придётся менять весь свой жизненный уклад.

— Я знаю. И знаю то, что нам надо жить в России!

— Я не против этого. Но если что-то не будет складываться, а скорее всего, так и будет сначала, никого винить нельзя будет, кроме самих себя, — сказала Марина мужу. — Если ты готов взять такую ответственность на себя, то и я готова.

— Я готов! — сказал муж.

Теперь надо было увольняться с работы, продавать квартиру. Решили, что первым поедет Сергей, отдаст задаток за дом, который они присмотрели в прошлый раз, когда ездили в отпуск, а после продажи квартиры Марина привезёт недостающие деньги, и они смогут рассчитаться с хозяевами полностью. Сергей написал заявление на расчёт. Каждый вечер они всем семейством паковали в картонные коробки посуду, книги, люстры и всякую мелочь, которая необходима в хозяйстве. Контейнеры были отправлены. Вскоре уехал и Сергей. Марина с детьми остались в пустой квартире. Дети спали на раскладушке, взятой у родных на время, Марина на полу, на стареньком матраце. Кушали на двух табуретах, составленных вместе. Подруга Марины жила в соседнем подъезде, так что было с кем посоветоваться и пообщаться, и, если что, помощи попросить. К тому же Алла предложила после продажи квартиры пожить у неё дома. Дети Аллы были ровесниками Вари и Антона. Квартиру Марина долго не могла продать, так как они резко упали в цене. Сергей звонил каждую неделю, интересовался, нашлись ли покупатели? Покупатели, которые приходили смотреть квартиру, каждый раз цену занижали.

— Варя, давай мы с тобой расклеим объявления на столбах, — предложила Марина дочери. — Может быть, тогда придут к нам нужные покупатели?

Так и сделали. Марина распечатала объявления на листах бумаги, и они с Варей пошли их расклеивать. На улице был сильный мороз. Но это не помешало задуманному. Все объявления на столбах были расклеены, и на следующий день пришли покупатели, которые согласны были купить квартиру за ту сумму, которую назвала Марина. Всё было оформлено. Квартира продана. Марина с детьми теперь жила у знакомой Аллы, пока отрабатывала две недели на производстве. Билеты были куплены, и 26 декабря отец семейства встречал жену с детьми на вокзале. От вокзала до дома, который купил Сергей, надо было ехать полтора часа на машине. Дом стоял на возвышенности, и от того казался, по сравнению с другими, большим. Мебель Сергей расставил по всем комнатам до приезда жены с детьми, но вещи были в узлах. Так что Новый год ожидался без ёлки. Печка в доме плохо горела. Надо было приноравливаться к ней, чтобы тепло держалось в доме. Местные жители подсказали, что надо присыпать горящие угли сверху просеянной золой, чтобы держался жар. Постепенно обживались. В феврале месяце снег полностью сошёл с земли, и теперь можно было разглядеть огород. Он был небольшой. Вдоль забора с одной стороны росли вишни, с другой — две яблони. Середина огорода предполагалась для грядок. Молодые люди встали на учёт в Центр занятости, чтобы им шли перечисления, пока не найдут работу. Марине посчастливилось первой, она устроилась в детский сад нянечкой. Позже устроился и Сергей, работа была вахтовым методом. Дети ходили в школу, которая располагалась поблизости. В один из рабочих дней Марине позвонили на работу и пригласили к телефону, это был Сергей, он находился дома после смены вахты.

— Мариш, привет! — сказал радостно в трубку Сергей. — Как у тебя дела?

— У меня нормально, а у тебя как? Ты откуда звонишь? — поинтересовалась жена.

— У меня тоже нормально! Я из дома звоню, проверяю, как связь работает.

— Из какого дома? — спросила Марина.

— Из нашего! Нам телефон провели, — сказал Сергей.

О том, что Сергей написал заявление на проведение телефона, Марина не знала.

— Когда оформлял все документы на дом, тогда и написал заявление на проведение телефона, — сказал Сергей за ужином. — Но не надеялся, что так быстро проведут, потому что точек свободных не было. А сегодня пришли и вот — провели!

— Какой у нас номер? — спросила Марина.

— Угадай, — шутил Сергей.

— Не знаю.

— Три, ноль, семь, тридцать один, — сказал Сергей.

— Ты шутишь? — удивилась Марина.

— Нет!

Сергей рассказал, что связист, который подключил в доме телефонный аппарат, выдал Сергею договор об оказании услуг телефонной связи, в котором был указан номер телефона: 3-07-31.

— Ну надо же! — удивилась Марина. — Пригодился Володькин аппарат! И с номером угадал!

Марина на минутку погрузилась в воспоминания. Перед глазами стоял тот самый Володька: добродушный, весёлый, с телефонным аппаратом в руках, а за ним целая история, связанная с переездом в Россию.

Присяга

— Ростов-город, Ростов-Дон! Синий, звёздный небосклон! Улица Садовая, скамеечка кленовая. Ростов-город, Ростов-Дон! — напевал Славка целую неделю, маршируя по комнатам.

— Что-то ты, сынок, про Ростов напеваешь? Наверное, отправят служить тебя в Ростов? — шутила мать.

— Наверное, — улыбался сын.

Славка летом получил диплом об окончании техникума, а осенью повестку в военкомат. Конечно, особого восторга он не испытал, но понимал, что долг Родине отдать надо. Поначалу сильно волновался, но ближе к отправке волнение пропало, теперь неизвестность мучила. Отправка была намечена на 11 ноября. В кругу семьи родные с вечера посидели за столом, а утром все вместе отправились в военкомат. В здании военкомата подполковник давал напутствия призывникам и советы родителям. Вскоре все вышли на улицу, где новобранцев ждали автобусы для отправки в область.

— Ну, Славик, желаем тебе хорошо отслужить и вернуться домой живым и невредимым! — сказала сестра Нонна и обняла брата.

Артур пожал ему руку. Славик чмокнул в щёку Ваню, своего крестника, который сладко сопел в детской коляске, отчего тот проснулся и заплакал.

— Славик, нам пора, — сказала Нонна, — Ванюшка капризничает, спать хочет.

— Конечно, конечно.

Молодые родители сели в машину и уехали.

Лиза и Виктор обняли сына, пожелали ему хорошей службы и просили звонить и писать письма чаще. Раздалась команда «По местам!» и новобранцы стали занимать места в салоне автобуса. Славка зашёл в автобус первым и сел на заднее сиденье, открыл окно и высунул оттуда свою бритую голову. У Лизы навернулись слёзы на глаза. Она хотела улыбнуться, но не получилось, вместо этого громко всхлипнула. Виктор обнял её за плечи и сказал:

— Ну, всё, всё, мать, успокойся. Всё будет хорошо.

— Конечно, конечно, — ответила жена.

Славка махнул рукой в открытое окно и улыбнулся. Автобус тронулся и медленно проехал мимо провожающих. Лиза вытерла слёзы и тоже махнула рукой вслед увозившему сына автобусу. «Всё будет хорошо. Всё будет хорошо», — успокаивала она себя. Автобус помчался по улице и, удаляясь, сделался маленьким жёлтым пятном, а вскоре вовсе исчез из виду. Виктор с Лизой вернулись домой. В нём было непривычно тихо и пусто. День тянулся долго. Магнитофон молчал. Не хотелось смотреть телевизор. Лиза возилась на кухне. Виктор то и дело выходил в огород, во двор. За ужином раздался звонок сотового телефона. Звонил Славка, просил, чтобы родители привезли ему завтра утром водительское удостоверение в казарму, в которую поселили призывников, она находилась в области.

Появилась возможность снова повидаться с сыном. Родители приготовили Славкино водительское удостоверение с вечера и решили раньше лечь спать, потому что вставать надо будет в пять утра. Ночью Лиза не сомкнула глаз, боялась проспать. Будильник прозвенел. Женщина выключила его и отправилась на кухню. Проснулся и Виктор. Они позавтракали и отправились на автовокзал. Приехав в областной город, стали расспрашивать мест-

ных жителей, как добраться до казармы, куда разместили призывников. Казарму нашли быстро, но вот повидаться с сыном не удалось. На проходной охранник спросил, к кому прибыли и зачем. Затем взял удостоверение и скрылся в длинном коридоре. Виктор позвонил Славке, чтобы узнать, получил ли он удостоверение. Славка ответил, что получил, и родители отправились на автовокзал, чтобы ближайшим автобусом уехать домой. Сын позвонил ещё раз, когда родители были в дороге, сказал, что у него всё хорошо и чтобы они не переживали за него. Через неделю из военкомата позвонили домой на стационарный телефон и сообщили, что необходимо забрать вещи сына, которые прислали из области. Виктор пошёл в военкомат в субботу днём, Лиза хлопотала на кухне. Через некоторое время он принёс вещи сына в целлофановом мешке. Когда Виктор с Лизой распаковали его, то не обнаружили одного ботинка.

— Ты, наверное, его по дороге потерял! — сказала Лиза с ужасом в глазах. Какое-то тревожное чувство овладело ею. Когда дела касаются родных, внутри включаются программы суеверия, когда-то и непонятно кем заложенные.

— Нет, я нёс аккуратно, да и пакет был заклеен скотчем, не мог, — ответил Виктор.

— Тогда иди в военкомат, возможно, ботинок там! Надо, чтобы пара была!

Виктор не стал спорить с женой, видя, как она взволнована.

Через час примерно муж вернулся обратно домой без ботинка.

— Нет там его, — сказал Виктор.

В воздухе повисла небольшая пауза.

— Ну и ладно! Ничего страшного! Подумаешь, ботинок потерялся. Всё равно после армии он в них ходить не будет. Может быть, и к лучшему, что потерялся. Значит, всё у Славки будет по-новому, — успокоила себя женщина

и отправила ботинок в мусорное ведро. Они пообедали, затем каждый занялся своим делом. Виктору через неделю надо было уезжать на вахту, поэтому он начал собирать вещи, помогала и Лиза. Вскоре день отъезда наступил, и Виктор уехал. Лиза теперь оставалась дома одна. Славка каждый вечер звонил ей до отбоя. На вопрос: «Чем занимаешься?», он отвечал, что подшивает воротник на форме и готовится к присяге. Вскоре она получила первое письмо от сына.

«Привет, родители и все родственники!!!

Как дела? Что нового у вас?

У меня всё нормально. Наша часть дислоцируется на территории бывшего детского садика. Дедовщины нет. Если честно, очень хочется домой. Мама и папа, вы у меня самое лучшее, что есть на свете. Я раньше этого не понимал, но теперь начинаю потихоньку понимать. Если получится, приезжайте ко мне на присягу. С одной стороны, хочу вас увидеть сильно-сильно, а с другой — не очень, чувствую, глаза будут на мокром месте. Я на сборном пункте сфотографировался, так что вам должны прислать фото. Посмотрите на меня военного. По возможности покажите фото родственникам, хочу, чтобы они тоже посмотрели на меня. Наверное, я там смешной получился. Ну всё, пока. Целую. Пишите».

Лиза прочитала письмо, всхлипнула и решила, что поедет к сыну на присягу. На работе напишет заявление на отпуск без содержания на несколько дней и поедет. Этот день наступил. До Ростова, именно туда попал Славка служить, добираться надо было шесть часов на автобусе. 21 декабря вечером Лиза выехала, чтобы попасть на присягу к 22-му числу. По Славкиному описанию местности, она быстро нашла часть, в которой он теперь служил. На КПП женщина предъявила паспорт и прошла на территорию части. Приезжих было много. Среди других были земляки, которых Лиза видела в во-

енкомате. Она окинула взглядом молодых ребят, которые выходили из здания воинской части, среди них она увидела сына и махнула ему рукой. Славка тоже увидел мать и улыбнулся. Молодые солдаты, прижав автоматы к груди, по очереди подходили к маленькой трибуне и с волнением произносили слова присяги, выученной ими накануне. Лизе показалось, что её сын делал это лучше всех! После присяги Славку отпустили в увольнение, и они с Лизой пошли гулять по городу, зашли на ту самую улицу Садовую, посидели на скамеечке кленовой. Посетили выставку картин, которая располагалась в парке. На площади стояла огромная ёлка, возле которой они сделали фото на память. Сфотографировались и возле Деда Мороза. Рядом находилось кафе, куда они зашли и были обрадованы большим выбором еды. Заказали борщ, салаты, картошку-пюре, десерт к чаю. Лизе хотелось накормить Славку чем-нибудь вкусным, похожим на домашнюю еду, а то ведь солдатская каша, наверное, надоела ему. День был насыщенным. Затем они отправились на квартиру, которую сняла Лиза, недалеко от воинской части. На следующий день они снова отправились гулять по городу и только к вечеру вернулись в часть.

— Рота, ра-а-авняйсь! — скомандовал прапорщик. — Шагом ма-а-арш! Песню за-а-апевай!

И новоиспечённые солдаты прошагали мимо родителей, затягивая песню: «У солдата выходной, пуговицы в ряд...»

У Лизы, как других матерей, навернулись слёзы на глаза. Солдатики тоже сникли. Славка, видя, что родители расстроились, выкрикнул:

— Не грустите, мамы! Скоро отслужим и вернёмся!

— Отставить разговоры в строю!

Лиза вытерла слёзы и улыбнулась. Улыбнулись и другие мамы.

Новоиспечённые солдаты старались держать спину ровно, вышагивая перед родителями, а они смотрели и махали им вслед.

Автовокзал находился недалеко от воинской части. Билеты Лиза купила заранее, когда гуляли с сыном по городу. Через полтора часа она была в пути. Утром прибыла в свой город.

Настроение было приподнятым. Весь день она прокручивала в голове встречу с сыном, прогулки по городу. Славка звонил каждый вечер, а перед Новым годом Лиза получила от него второе письмо.

«Всем привет! Как у вас дела?

Пишет вам секретный агент Внутренних войск Российской Федерации. Конечно, мне нельзя разглашать военную и государственную тайну, но я попробую!

У меня всё отлично! Жизнь хороша, когда служишь не спеша! Служить нравится. Особенно распорядок дня. Мама, тебе не придётся больше заправлять кровать за меня и складывать одежду.

Вот сейчас подшиваю воротник и смотрю в окно. В доме напротив на пятом этаже наряжают ёлку! Здорово! Она светится вся, в гирляндах! Дома, наверное, вы тоже поставили ёлку? И пахнет, наверное, вкусным пирогом, сгущёнкой и овсяным печеньем? Кормят здесь хорошо, просто хочется сладкого.

Скоро буду заступать в наряд. В общем, тороплюсь на секретное задание в Африку. Цель задания — привезти слона. Но я думаю, мы его провалим, потому что здесь двадцать голодных солдат, которые, скорее всего, его съедят!

Ну всё, пока! Всем привет! Всех сильно люблю и скучаю! Скоро встретимся, осталось служить немного, всего лишь год и пять месяцев. Да, забыл спросить, как там поживают мои любимые животные: собака Люська и кот Венька?

Им от меня тоже привет!

Всё. Пока! Целую. Люблю».

Дочитав письмо, Лиза подумала, что сыну надо будет в ближайшее время собрать посылку. Может быть, к Рождеству или Крещению Славка получит её?

Виктор к Новому году обещался приехать, если сменят вахтовики. Лиза бегала по магазинам, закупала сгущёнку, конфеты, печенье, тёплые носки, варежки сыну. Славка теперь чаще находился в карауле, а на улице морозы стали придавливать. Неудивительно. Ведь не за горами крещенские морозы! Нонна с Артуром тоже передали от себя сластей, потому что все в семье знали, какой Славка сладкоежка! Посылка была готова. Лиза отнесла её на почту. У девушки-контролёра поинтересовалась, успеет ли дойти посылка к Рождеству.

— Может быть, и успеет. Если работать почта в праздничные дни будет. Ну уж на Крещение точно получит! — успокоила контролёр.

Морозы в тот год как никогда были сильные: двадцать градусов почти каждый день. Виктор на Новый год не приехал. Нонна с Артуром и внуком заехали на полчаса поздравить Лизу и снова уехали. Новый год женщина встречала одна. После боя курантов она сделала несколько глотков шампанского и загадала желания, конечно, о детях, муже и внуке, чтобы у всех всё было хорошо в новом году!

Благословенный дом

Благословенный дом. С выбеленными глиной стенами, окнами в синих резных наличниках, крышей, покрытой жестью, выкрашенной суриком в красный цвет. Благословенный дом. С холодным коридором и маленьким тёмным тамбурком, связывающим холодный коридор с кладовкой и кухней. Благословенный дом. С маминой спальней, со скрипучими полами в ней, со старым шифоньером, в котором мы с сестрой прятались, играя в прятки. Благословенный дом. С залом, детской комнатой с фикусом огромным в деревянной кадке в ней, который стоял, как истукан, и не давал мне по ночам спать. Наш благословенный дом. Сколько годов, месяцев, недель, дней, часов, минут и секунд прожито в нём?

Тёплые волны вибраций проходят по моему телу при воспоминании о доме. Я чувствую те же запахи ароматного чая с чабрецом, вкусных маминых пирожков с картошкой, капустой, яйцом и луком, щавелем. Я осязаю те же соприкосновения босых ступней с полом, спины со стенами и обтянутой жестью печкой, занавесок с лицом, лучей солнца с окнами, солнечных зайчиков с блюдцами с чаем.

А наш двор. В нём хватало места всем: и псу Бельчику, и кошке Оле, и курам, и уткам, и гусям. Живность вся была дружна между собой: цыплята грелись в будке с Бельчиком, с кошкой Олей на завалинке спали маленькие утята.

Палисадник — это святая святых! Каждое своё утро я начинала с него, наблюдая за природой, сейчас это называется медитацией. Как же приятно было сидеть на завалинке в тишине, ни о чём не думая, растворяться в ней, ощущая только своё дыхание, осознавая себя маленькой частичкой чего-то большого и в то же время понимая, что ты и есть это что-то большое, и впереди целая жизнь.

Но вернёмся к нашему дому. Он был построен из самана, поэтому зимой в доме было тепло, а летом прохладно.

Я помню себя в нём с того самого момента, когда коза подняла меня на свои роскошные длинные рога и, разогнавшись, сбросила с себя к забору. Увидев происходящее, брат выбежал из дома и отогнал козу от меня. Сердце моё закатилось от страха. Я широко раскрыла рот, но плач долго не мог вырваться наружу. Но когда это случилось, меня трудно было успокоить. Мне тогда было года два примерно. Это было как раз после смерти папы. Я отчётливо помню, во что была одета: в тёмно-зелёный плюшевый плащик или пальто с капюшоном, который был завязан под самым подбородком, плотно обтягивая моё личико. Под верхней одеждой на мне была кофта и штанишки с начёсом, на ногах ботиночки. Козе, конечно, досталось из-за меня, но и за мной теперь был пригляд.

Семья у нас была большая, поэтому, обедая и ужиная, мы собирались за большим деревянным столом, усевшись на длинную лавку. Только мама сидела на табурете с торца стола. Как-то за ужином я поперхнулась, да так сильно раскашлялась, что старшие сёстры стали стучать по моей спине. Мне было больно. Я понимала, что от ударов не перестану кашлять. В какой-то момент я успела выпалить: «Ой, батюшки, помогите мне!» — и тут же перестала кашлять.

Жили мы в краю танцующих берёз и бескрайней ковыльной степи, окаймлённой сопками, где весна прихо-

дила строго по расписанию, лето длилось три положенных месяца, а вот зима начиналась по-разному. Иногда мягкий снежок ложился на землю в октябре месяце, на Покров день, и не таял до весны. Вся природа замирала, ложилась в спячку. Зимы были суровыми и снежными и от того казались бесконечными. Особенно морозы крепчали под утро, тогда за окнами отчётливей слышался треск проводов на столбах, провисших от тяжести наледи, и скрип снега под ногами. В одно такое морозное утро, когда мама ушла на работу, а старшие в школу, мы с Ларисой остались дома одни. Окно на кухне было всё запорошено снегом и разрисовано белыми плотными узорами еловых веточек, павлиньих перьев, цветов. Через стекло едва возможно было что-нибудь разглядеть. Мы с сестрой ели перловую кашу, оставленную мамой на печке в алюминиевой кастрюльке, чтобы была горячей, сдобренной небольшим количеством сливочного масла, припивая сладким чаем. В окно кто-то постучал. Это была незнакомая для нас женщина почтенного возраста. Она была высокого роста и одета во всё чёрное. Мы испугались и присели под стол, откуда стали наблюдать за происходящим. Женщина придвинула лицо к окну, что-то высматривая. Мы не шевелились.

— Вдруг она зайдёт в дом? — спросила я у сестры.

— Не зайдёт, я дверь закрыла на щеколду, когда мама уходила на работу.

Женщина ещё раз постучала в окно и отошла от него. Мы побежали в зал, чтобы посмотреть, куда она направится, но не увидели её. Она не вышла со двора, но её не было и во дворе. Это нам показалось странным. Когда мама пришла на обед, мы ей рассказали обо всём. Но мама нас успокоила и сказала, что, скорее всего, мы не заметили, как она вышла со двора.

— Может быть, бабу Пашу искала? — задумчиво произнесла мама.

Баба Паша, наша соседка, была большой молитвенницей: каждое утро и вечер она молилась перед образами на коленях в своей комнатке. Мы у неё покупали молоко, когда не стало нашей кормилицы Марты, и если приходили раньше положенного времени, то приходилось дожидаться, когда она закончит чтение утренних молитв.

После долгой и снежной зимы мы так радовались пробуждению природы: весеннему солнышку, ласковому ветерку, который непременно вносил в нашу жизнь что-то новое, свежее. Каждую весну мама выставляла в зале шибку в окне, в самом низу, она служила форточкой, чтобы проветривать дом. Баба Паша знала об этом, и часто приносила нам пирожки или сырники в алюминиевой чашечке, и ставила её на подоконник. Мы забирали принесённое ею, делили на всех и принимались есть. Через какое-то время баба Паша возвращалась за своей чашечкой, она, пустая, дожидалась её на прежнем месте.

Летом мы носились по огороду, засаженному картошкой. Овощи мы не выращивали, так как вода была привозная. Привозили её два раза в неделю. Мы наполняли ею вёдра и кастрюли. Несмотря на недостаток воды, мама каждую субботу топила баню, стирала постельное бельё и всю одежду, скопившуюся за неделю, в стиральной машинке водой, которую мы приносили из родника, находившегося в степи за несколько километров от дома. Когда я подросла, мне купили маленькие ведёрки, у остальных детей вёдра были большие. Картошка поливалась дождём, который был частым гостем в наших краях. У кого были во дворах колодцы или колонки, те выращивали овощи. У бабы Паши был колодец, но вода была горьковато-солёной на вкус. Какую-то мелочь она всё же выращивала на огороде. Между собой соседи жили дружно: казахи, русские, украинцы, татары, башкиры, немцы, да разве перечислишь все национальности! Летом нас, детей, трудно было загнать в дом, чтобы по-

кормить. Босоногие, мы с утра убегали в степь, поближе к роднику и подальше от дома. В степи мы находили себе пропитание: чабрец, заячья капуста, подорожник — всё шло в ход, и, конечно, родниковая вода: мягкая, сладковатая на вкус. Мы пили её из общего ведра, подвешенного на цепь колодезную. Степь нас закаляла, делала выносливее, свободнее, дружнее. Мы отправлялись в неё похоронной процессией с отдавшим Богу душу котёнком, цыплёнком или ёжиком. И она принимала всех. На холмиках мы оставляли скреплённые проволокой две палочки — кресты, а потом бежали в небольшие берёзовые околки, продолжая там свои игры. В степь мы отправлялись собирать кизяк для растопки летней печи, которая стояла во дворе, или бани в субботний день, а ещё для удобрения в огород. На летней печке мама жарила хворост, пышки или пирожки, чтобы экономить привозной газ в баллонах. Возвращаясь обратно домой, по пути мы обязательно заходили на кладбище, где были похоронены папа, Юрик и Валерик. Клали на холмики букеты из шалфея или ромашек, из тех полевых цветов, которые росли на тот момент в степи, поправляли покосившуюся оградку на могилке братиков, завязывали калитку проволочкой и помнили, что обязательно надо будет сказать маме о том, что оградка покосилась и скрипят петельки на калитке.

Благословенный дом. Сколько же нас связывает с тобой. Ты был нашей защитой в любую погоду: в зной, дожди, бураны. Особенно мы любили сидеть зимними долгими вечерами у раскалённой печи, обтянутой жестью: мы грели об неё свои замерзшие спины, вернувшись с мороза, и слушать, как в ней звонко потрескивают поленья, высовывая свои красные язычки пламени через небольшие отверстия кружков. Рядом с печкой стояли совок, веник и кочерга. Мама ловко отодвигала кочергой самый маленький кружок и шурудила в печи догорающие

дрова, а на раскалённые угли сверху укладывала новую стопку поленьев. Комната, в которой стояла печь, тут же вся озарялась, и весь дом наполнялся древесным запахом: берёзовым, еловым или осиновым. Часто вечерами, расположившись у окна и прядя на прялке пух или шерсть для наших будущих носков или варежек, мама рассказывала нам свои детские истории. Много рассказывала и то, что сама прочитывала: рассказы, повести и отрывки из Библии понятным для нас, детей, языком.

В нашем доме было много картин известных художников, например: «Последний день Помпеи», «Итальянский полдень» Карла Брюллова, «Девятый вал» Ивана Айвазовского, «Неизвестная» Ивана Крамского. Картину «Последний день Помпеи» кто-то подарил маме на день рождения. Меня заинтересовало название картины.

— Почему последний день? — спросила я у мамы.

— Возможно, это был конец света, — ответила она. — Он наступает после пожаров, землетрясений или наводнений. А потом на земле царствуют тьма и холод.

— Разве такое бывает? — поинтересовалась я.

— Бывает. Старые люди говорят, что грядет ещё один конец света.

— Почему? — допытывалась я.

— Вы ещё слишком маленькие, для того чтобы это понять. Но если конец света настанет, я прижму вас к себе, чтобы всем нам быть рядом в последнюю минуту.

— В какую последнюю минуту?

Многое было непонятно. Но я точно знала, что пока умирать не собираюсь.

— Боженька нас всех крепко любит, поэтому не даст разлучить, — сказала мама.

Кто такой Боженька, я в то время знала, и что Он любит всех, тоже знала. Меня интересовало, насколько крепко любит.

— Так же, как ты? — уточнила я.

— Намного крепче.

Я прошла в детскую комнату, села в угол и начала рассуждать: «Если Боженька любит нас крепче, чем мама, то никогда не сделает так, чтобы я умерла. Я ведь совсем маленькая, в школу ещё не хожу. Значит, никакого конца света не будет». Я так решила для себя и вернулась в комнату к маме и сёстрам.

Особенно я любила наш дом, когда в нём не было электричества. Замолкал телевизор, радио. На столе появлялась самодельная свеча из бинта или марли, пропитанная свиным смальцем, которая потрескивала, как поленница в печи, от неё шёл сильный смрад, и мама начинала свои рассказы. Они длились до тех пор, пока не вспыхивала электрическая лампочка на потолке. «Да будет свет!» — это наш сосед, электрик дядя Вася Хренов, что-то починил или поднял выбитый ветром рубильник в трансформаторной будке. Иногда он делал за ночь несколько рейсов, безотказным был. Как его только не уносило ветром, непонятно: щупленький, небольшого росточка, всегда приветливый, с доброй улыбкой на лице. У меня с детства сложилось мнение, что все электрики добрые, как наш сосед. Он был спасителем нашим и в новогоднюю ночь, когда особенно сильно бураны разыгрывались, а нам так хотелось посмотреть «Голубой огонёк»! Правда, если дядя Вася не успевал пропустить до боя курантов горячительного домашнего зелья.

Все соседи были такими родными: и тётя Газиза, и дядя Сулеймен со своей большой семьёй, которые жили напротив нас. И дядя Петя с тётей Зиной, которые жили рядом с ними. И баба Паша, которая жила слева. И соседи справа — Вахитовы, которые переехали на нашу улицу за два года до продажи нашего дома. Их дети были нашими ровесниками. Мы учились в одной школе. Раис учился в параллельном классе с Ларисой. После уроков он заби-

рался на крышу дома и светил зеркальцем к нам в окно, когда мы делали уроки.

— Лариска! Опять твой жених на крыше сидит! — шутила мама.

Лариса смущалась и уходила в другую комнату.

Дом наш особенно оживлялся, когда в него входила старшая сестра Марина. Она обладала невероятной энергетикой. Рядом с ней оживали не только все жильцы дома, но и мясорубка, и замороженная свиная лопатка.

— Мамка! Давай чебуреков наделаем! Завтра ведь воскресенье! — говорила Марина и принималась строгать тонкими, длинными полосками мороженое мясо от свиной лопатки, только что занесённой ею из холодной кладовки.

Мама заводила тесто. Мы с Ларисой чистили лук и чеснок. Тома раскатывала кружки из теста для чебуреков. Валя наполняла их фаршем и жарила в сковороде на раскалённой печке. На кухне вкусно пахло. Как Марина аппетитно ела! Наевшись досыта, но глядя на неё, хотелось съесть ещё один или даже парочку чебуреков. Потом она уходила к себе домой, унося с собой весь шум, суету и выпечку в сумке. В доме становилось тише. В воскресенье приходил брат Вова с женой Валей в гости. Мы снова собирались за большим столом. И снова в доме было оживлённо и весело. Редко приезжала Люба из другого города с семьёй.

Благословенный дом. Сколько ты видел всего: и зефир московский, и пряник тульский! Скольким нас научил. Как же мы радовались, когда возвращались из похода или какой-нибудь поездки к тебе. Чуть ли не вприпрыжку шли по наполовину высохшему болоту, ничем не освещённому, кланяясь каждой кочке. Как же мы радовались, когда видели свет в твоих окошках — мама ждёт нас! И как же мы были огорчены, когда настало время с тобой проститься. К сожалению, так бывает. Я не могла спать,

не из-за того, что фикус стоял, как истукан в детской, я была теперь взрослой, мне было пятнадцать лет, из-за чувства горечи, что я передаю тебя другим людям. Или предаю? Какие они, эти люди? Так ли будут любить тебя и ухаживать за тобой, как мы? Даст Бог, ты подружишься с ними. Даст Бог.

Спустя много лет мне довелось увидеться с нашим домом. Ему не сильно повезло с хозяевами. С годами он стал приземистей, желтоватый цвет стен, словно кожи, не как у барышень тургеневских. Да и я стала не та.

Недавно узнала, что наш дом сгорел, видимо, настал его последний день на земле. На том месте теперь пустырь. Люди боятся селиться в места пожарищ. Зарастает пустырь бурьяном, прилетают туда птицы, да гуляет там ветер. Но в моей памяти он стоит на том самом месте, второй от переулка, с выбеленными стенами, окнами в синих резных наличниках, крышей, покрытой жестью, выкрашенной суриком в красный цвет.

Благословенный наш дом.

Флюгер

На дворе стоял уже, наверное, далёкий 1975 год. На уроке природоведения Иван Степанович увлекательно рассказывал ребятам про флюгер: для чего он служит, из чего состоит и как им правильно пользоваться. На картинке флюгер выглядел очень красивым.

Учитель дал задание ребятам на дом: изготовить флюгер своими руками к следующему уроку, и добавил, что в изготовлении флюгера могут принять участие старшие: дедушки, папы, дяди, братья.

Следующий урок в понедельник — впереди полтора выходных, то есть времени достаточно.

У Инны папы не было, поэтому по дороге домой она в голове прокручивала, кто бы мог ей помочь. Так как девочка была ответственной, зайдя в дом, она сразу же рассказала маме о предстоящей работе.

— Ой, Инночка, у меня на завтра столько работы: постирать надо, баню истопить, — начала объяснять мама, — да ещё хотела блинчиков испечь, ведь в баню все дети придут. Если останется время, я помогу тебе.

Девочка понимала, что мама физически просто не в состоянии ей помочь. Тогда она обратилась к сестре Ларе, которая была старше на полтора года.

— Нет, Инночка, я не сумею. Ты попроси брата, — предложила Лара, — он завтра в баню придёт.

Наступила суббота. К полудню старшие дети потихоньку начали собираться в доме. У Инны было всего два

урока, поэтому она тоже уже вернулась из школы. Мама пригласила всех к столу, на котором помимо разных вкусностей красовались Иннины любимые блинчики с творогом. Баня уже была растоплена и набирала жар. После обеда Инна подошла к брату и попросила помочь ей.

— Ой, Инночка, для этого нужен рубанок, а он у меня дома. Ты попроси дядю Куприяна. У него-то точно есть рубанок, — заверил брат, — я думаю, он тебе не откажет.

Пока старшие занимались своими делами: кто дрова пилил, кто рубил их, Инна отправилась к дяде Куприяну, прихватив с собой учебник природоведения, чтобы показать, как выглядит флюгер.

Дядя Куприян возился в сарае с кролями. Поэтому девочка поведала свою историю тёте Мане, которую очень сильно любила.

— Сейчас Куприян зайдёт, и я ему расскажу о твоей просьбе, — успокоила тётя, расставляя на столе угощения. Самовар уже закипал, когда дверь открылась и в дом зашёл дядя. Тётя Маня рассказала дяде о просьбе Инны.

— Я сейчас с Петром поеду за зерном, — торопливо говорил дядя Куприян. — Если всё получится так, как хотелось бы, то завтра я смогу тебе помочь.

Инна возвращалась ни с чем. Подойдя ближе к дому, она увидела старшую сестру Марину с мужем Василием, они работали во дворе. «Как же я забыла про Василия?» — подумала девочка и быстрыми шагами подошла к нему. Но Василий тоже сослался на занятость и добавил: «А ты возьми и сделай сама. Вам же надо его сделать своими руками?»

— Своими? — смущённо ответила Инна. — Но я не умею.

— Возьми два полена: одно побольше, другое поменьше, — предложил Василий, — выстругай из них ножом детали для своего флюгера и скрепи гвоздём.

Идея Инне, конечно, понравилась, но как её воплотить

в жизнь? Она подошла к печке, взяла два полена (одно побольше, другое поменьше, как и говорил Василий), нож и начала обстругивать их. На ладошках появились мозоли. За два часа упорной работы детали для флюгера были готовы. Оставалось их только скрепить между собой. Инна достала с полочки гвоздь и молоток, и флюгер был готов.

— Ну вот, и никого просить не надо! — одобрительно воскликнул брат, выйдя из бани.

— Только он же не похож на тот, что на картинке.

— Ну и что? Зато он сделан своими руками! — подбодрил брат.

— Он у меня какой-то корявый, — продолжала Инна.

— А ты возьми наждачную бумагу и отшлифуй его.

Мама, услышав разговор Инны с братом, подошла и сказала:

— Вова, ты бы помог ей, а то ведь двойку получит!

— За труды двоек не ставят, — утвердительно сказал Вова. — Но если всё-таки тебе он разонравится до завтра, придёшь ко мне домой, и мы его переделаем.

Брат жил далеко от Иннииного дома. Чтобы проведать его, надо было осилить три километра туда и три обратно. Итого — шесть.

Вечером, когда все разошлись, Инна отшлифовала свой флюгер и положила в сумочку. Она понимала, что и завтра всем будет некогда.

На следующий день, ближе к обеду, она достала флюгер снова (он уже не казался таким плохим), посмотрела ещё разок и положила обратно в сумочку, а сама отправилась гулять. Играя с ребятами, она уже не вспоминала о поделке.

В понедельник утром, собираясь в школу, Инна снова достала своё творение из сумочки, чтобы убедиться, можно ли его брать с собой в школу. И в этот самый миг ей захотелось всю эту красоту оставить дома. «Скажу, что

не сделала», — мелькнуло в голове. Она уже направилась к двери, как услышала голос мамы: «Инна, ты флюгер забыла!»

Перед уроком, на перемене, ребята хвалились своими флюгерами. То тут, то там по классу можно было услышать: «А мне папа помог, а мне брат, а мне дядя...» Инна ещё раз искоса посмотрела на своё творение и вместе с сумочкой засунула в парту. Так было надёжнее, может быть, никто и не вспомнит про её флюгер.

Прозвенел звонок. Ребята поприветствовали учителя и сели.

Иван Степанович рассказывал новую тему, а потом начался опрос. По алфавиту он вызывал к себе ребят с поделками, которые складывал у себя на столе. До конца урока оставалось совсем немного времени, и Инна надеялась, что её не успеют вызвать к доске, так как фамилия в журнале была последней. Но Иван Степанович сделал исключение и вызвал девочку к доске. Она встала возле парты как вкопанная.

— Ты что, не сделала? — поинтересовался Иван Степанович.

— Сделала.

— Ну, тогда неси!

Инна вытащила из парты сумочку и подошла к столу учителя.

— Доставай.

Инна, смущаясь, вытащила своё творение. Весь класс захохотал.

— Ну и флюгер! — раздавалось то тут, то там.

Иван Степанович взял из рук Инны поделку и положил её на стол со словами: «Молодец. Садись».

— А сейчас, ребята, я, как и обещал, озвучу оценки за ваш труд, — сказал Иван Степанович.

— Анашкин — четыре!

— Почему четыре, у меня самый красивый флюгер!

— Он у тебя очень красивый, но его сделал твой папа, а твоего участия здесь нет.

Иван Степанович продолжал озвучивать оценки ребят. Очередь дошла и до Инны.

— Юдина — пять! Молодец! — громко произнёс Иван Степанович.

— Почему пять? — возмутился Анашкин. — Её флюгер весь косой и кривой, и уже у вас на столе развалился.

— Потому что Инна его сделала своими руками, — ответил Иван Степанович.

У Инны за спиной выросли крылья. Ей теперь незачем было смущаться.

Путешествие в центр

Инна сладко потягивалась в кровати. Яркие лучи солнца скользили по подушке, зазывая во двор. Ещё немного понежившись, она перелезла через спящую Лару и зашлёпала босыми ногами по комнатам. Мама уже ушла на работу. На столе стоял завтрак. Кроме её и Лары в доме никого не было. Она вышла на улицу и ступила босыми ногами на хорошо прогретую землю. Прищурившись, девочка долго смотрела на солнце, словно растворяясь в нём. Жулька, сладко зевнув, высунулся из будки, приветствуя новый день. Мурка сидела на заборе — дремала и, казалось, совсем не замечала Иннино присутствия. Девочка села на завалинку и закрыла глаза. Она любила сидеть в тишине и мечтать, и была счастлива, когда ей никто в этом не мешал: ни Жулька, ни Мурка, ни тем более Лара, потому что как только она появлялась, жизнь не шла, как ей положено, своим размеренным шагом, а начинала прыгать, бегать и даже скакать.

— Ага, вот ты где! — воскликнула Лара.

Вздрогнув, Инна очнулась.

— Ты не знаешь, где Тома с Валей?

— Нет, я их не видела.

— Хорошо, значит мы дома одни!

Лара зашла в дом и ещё какое-то время там находилась. Потом она вышла, держа в руках мамин модный ридикюль.

— Вставай! — скомандовала Лара. — Мы сейчас с тобой

пойдём в Центр!

Центром назывался центр города. В нём, кроме частного сектора, возвышались пятиэтажные дома и старые двухэтажки. Надо сказать, что провинциальный городок был очень ухоженным, с хорошим асфальтом и тротуарными дорожками, утопающими в зелени. Но чтобы попасть в Центр, надо было преодолеть немалый путь по наполовину высохшему болоту, подняться на насыпь (ещё насыпь называли бугорком), на которой располагалось железнодорожное полотно, перейти его, а там до Центра рукой подать! Взрослые сёстры, а тем более мама, никогда бы и не подумали отправить малышей одних в Центр, потому что это было небезопасно. Но на тот момент дома никого не оказалось.

— Я не хочу! — заныла Инна, представляя совсем неблизкий путь.

— Вставай! Вставай! — дважды скомандовала Лара.

Инна нехотя встала с завалинки, и они вышли со двора. На Ларе была надета голубая вискозная комбинация с широким кружевом по низу, на Инне белая ситцевая рубашечка, чуть ниже пупа, и обе без штанишек. Девочки ещё не ходили в школу: Ларе было четыре года, а Инне три. Понимая, что это выход в свет, Инна тоненькими пальчиками пригладила торчащие в разные стороны волосы и протёрла глаза. Ларе мама с вечера заплела косички, так что за свой внешний вид она не переживала: он был безупречным. В одной руке Лара держала модный мамин ридикюль, в другой руку сестры. Девочки почти благополучно прошли по сухому участку болота (не считая встречи с соседкой, которая возвращалась из поликлиники и настаивала, чтобы девочки вернулись домой, обещая обо всём рассказать маме), поднялись на бугорок и подошли к железнодорожному полотну. Им надо было перейти его. Они и раньше это делали, когда ходили в гости к старшей сестре Марине (она жила в двухэтажном

доме, расположенном сразу за железной дорогой), но с взрослыми, и хорошо понимали, что это очень опасно. Поэтому оглядывались по сторонам, чтобы вовремя заметить приближающийся поезд.

— Девочки, вы куда?! — раздался громкий голос из кабины тепловоза, стоящего под красным огнём светофора.

— В Центр! — громко ответила Лара.

— Возвращайтесь обратно! Здесь опасно находиться!

— Мы знаем!

— Родители, наверное, потеряли вас и не знают, где искать! — старался перекричать тепловозный шум машинист локомотива, высунувшись почти наполовину из окна.

— Знают! Нас мама в магазин за хлебом отправила! — на ходу придумала Лара.

Машинист поезда с помощником рассмеялись, потому что невозможно было сдержать смех, глядя на находчивых юных путешественниц. Но в то же время они понимали, что никто и ничто не сможет остановить решительно настроенных девочек, поэтому принялись объяснять, как безопаснее перейти железнодорожные пути.

— Девочки, смотрите на светофоры! — громче прежнего объяснял всё тот же машинист локомотива. — Если они горят красным светом, быстро переходите железнодорожные пути!

— Если зелёным, — продолжил помощник машиниста, — ждите в междупутье, присев на землю, пока состав не проедет!

— Мы всё знаем сами! — прокричала Лара.

Несмотря на столь юный возраст, девочки действительно всё это знали от мамы и старших сестёр, потому что вся их жизнь была тесно связана с железной дорогой.

Сестрёнки благополучно перешли железнодорожное полотно и застучали босыми ногами по платформе. Инна успела зачерпнуть немного мазута ногой, но тут же об-

тёрла о растущую рядом траву. Они уже приближались к продуктовому ларьку на перроне, откуда вкусно пахло пирожками, как вдруг увидели Тому, идущую навстречу к ним с подругой и большой авоськой в руках.

— Том, это, кажется, ваши девчата? — удивлённо протянула Настя.

— Да ты что? — усмехнулась подруга. — Кто бы их отпустил одних? Валя же дома! Эти какие-то чумазые.

Когда расстояние сократилось, девочки и Тома узнали друг друга. Надо было срочно что-то предпринимать! Инна с Ларой, словно по команде, кинулись обратно. За считанные секунды они перебежали железнодорожные пути под крики: «Осторожно, девочки!» всё тех же добрых дядей, и покатились с бугорка, как горох. Тома, бросив подругу, бежала вслед за ними: «Стойте! Стойте!»

Навстречу девочкам бежала Валя с большой шалью в руках, чтобы прикрыть полураздетых малышей.

— Перед самым Валиным носом разбегаемся в разные стороны! — скомандовала Лара.

Что они и сделали. Вале пришлось только развести руками! Сестрёнки мчались без остановки до самого дома и по инерции вбежали в кухню, нырнув под стол.

— Давай, ложись на перекладину! — снова скомандовала Лара. — Нас здесь никто не достанет!

Девочки легли на перекладину стола и теперь находились в безопасности. Вскоре на обед пришла мама. Она была в курсе происходящего, так как соседка, которая встретилась Ларе и Инне на пути, работала вместе с мамой. В первую очередь досталось старшим сёстрам за недогляд, а потом очередь дошла и до малышей. Мама сорвала с дерева небольшой прутик и подошла к столу.

— Окаянные! Вот я вам! — ругалась мама. — Разве можно без спроса из дома уходить, да ещё одним?! А если бы с вами что-нибудь случилось?! Что тогда?!

Сестрёнки слушали мамины нравоучения, прижав-

шись к перекладине. Мама несколько раз ударила прутиком о край стола, не нагибаясь, так, чтобы прутик девочек не касался.

— Давай кричать, — прошептала Лара.

— Зачем?

— Мама подумает, что нам больно, и уйдёт.

— Ой, больно!!! — закричали сестрёнки в один голос.

— Ах, окаянные! Больно им?! — едва сдерживала смех мама. — Я даже не касаюсь вас! Вылезайте сейчас же!

Но Лара с Инной даже и не подумали покидать своё укрытие.

После обеда, когда мама ушла на работу, девочки наконец освободили перекладину стола. Пообедав, они снова вышли во двор, потом побежали по огороду. Следом за ними мчался Жулька, приминая ботву картошки. Счастливые и беззаботные они проиграли да самого ужина.

Вечером девочки легли спать. Но Инна не сразу заснула. Она размышляла о завтрашнем дне: о том хорошем, что обязательно будет завтра.

Первый раз в первый класс

В тот далёкий год лето выдалось особенно жарким. Последний месяц август не уступал ни в чём июлю.

Мама купила Инне портфель, учебники, тетради, пенал, карандаши, пластилин, ну, в общем, всё необходимое к школе, только вот форму не смогли подобрать, так как Инна была девочкой очень худенькой и маленького роста.

— Инна, — обратилась мама к дочери, — ты завтра с Томой поедешь в город за формой, поэтому спать ложись пораньше. Я тебя разбужу в пять утра.

Инна умылась перед сном, помыла ноги в тазу и легла спать. Лара ещё читала книжку.

На следующий день, как и договаривались, мама разбудила Инну рано. Лара крепко спала. Инна аккуратно перелезла через неё и подошла к умывальнику. Она умылась и быстро оделась. По дороге девочка всё время зевала, крепко держась за руку сестры. До вокзала пешком идти было приличное расстояние, да ещё по свежему воздуху! Девочка постепенно просыпалась. На перроне суетились люди. Слышно было, как со скрипом открывалась и закрывалась тяжёлая дверь вокзала. Зайдя в него, Инна села на лавку, а Тома пошла за билетом. Через полчаса объявили посадку, и сёстры сели в вагон. Локомотив дёрнул за собой состав, и колёса застучали по рельсам. Поезд прибыл ровно по расписанию. Тома спустилась вниз на платформу и сняла с подножки вагона Инну. К автобусной остановке подошёл автобус. Сёстры поднялись в него и через полча-

са уже были в магазине «Детский мир».

У Инны разбегались глаза. В таком большом магазине она была впервые. Девочки долго ходили между рядами и, наконец, присмотрели подходящую форму. Она оказалась Инне впору. Продавец аккуратно завернула обновку в бумагу и перетянула шнуром.

— Ну надо же, такая кнопка, а уже идёт в школу!

Удовлетворённые покупкой, сёстры вышли из магазина.

— Инна, ты хочешь мороженое? — спросила Тома.

— Хочу!

Они подошли к киоску, где продавали мороженое.

— Ты будешь в стаканчике или эскимо?

— Эскимо.

Тома расплатилась за два эскимо, и девочки сели на лавочку в парке, который находился недалеко от киоска.

Эскимо было очень холодным. Инна сначала только облизывала его, а когда глазурь стала капать ей на платьице, принялась есть.

Тома смочила в фонтане носовой платок и очистила Иннино платьице от шоколадных капель.

Пройдя всего несколько метров, вкусно запахло сдобой.

— Ты пирожок будешь? — поинтересовалась Тома.

— Пока нет.

— Тогда мы купим в дорогу пирожков.

В кулинарии, куда зашли сёстры, витали запахи ванили, корицы и ещё каких-то неизвестных пряностей. Пока Тома стояла в очереди, Инна с интересом рассматривала стеклянные витрины. В них на тарелочках лежали пирожки, пирожные, трубочки, кексы. Есть после эскимо не хотелось, но уж очень красиво они выглядели! Тома купила два пирожка, и девочки вышли. К автобусной остановке подошёл автобус, сёстры сели в него и отправились

на вокзал. Они успели на проходящий поезд и через два часа снова были дома. Проходя по своей улице, Тома с Инной увидели соседских ребятишек.

— Инна, ты выйдешь гулять? — спросила Лиза.

— Выйду, только позже.

После ужина Инна примерила форму и покружилась перед зеркалом. Складочки раскрывались веером. Было очень красиво.

— В самую пору, — одобрила мама.

Инна положила обновку на стул и вместе с Ларой вышла на улицу, где их ждали ребята: они играли в мяч. Девочки встали в круг вместе со всеми. Ребята по очереди стучали мячом о землю. Он отскакивал в сторону. Кто первым ловил мяч, тот и бросал его снова.

Лёша бросил мяч, он отскочил и перелетел через забор, прямо в огород к дяде Пете. Мальчик прыгнул за мячом.

— Ты куда? — раздался строгий голос за спиной Лёши.

— За мячом.

— А ты разве не знаешь, что во двор заходят через калитку, а не прыгают через забор? — сердился сосед.

— Знаю, — робко ответил Лёша.

— Знает он! — возмутился дядя Петя, протягивая мальчику мяч.

Лёша взял мяч и обратно вышел через калитку. Сосед вышел следом.

Несмотря на то, что дядя Петя был строгим, он очень любил детей и часто с ними беседовал.

— Ну, что, ребята, скоро в школу? — с сочувствием спросил сосед. — Кто из вас в этом году идёт в первый класс?

Дети начали кричать наперебой: я, я, я…

Потом он с пристрастием расспрашивал, почему они хотят в школу и знают ли, что такое школа?

Сначала дядя Петя подозвал к себе Лизу. Девочка гово-

рила, что очень хочет в школу, потому что она научится там писать, читать, решать примеры, учить стихи. Потом ребята, не дожидаясь, когда сосед их пригласит к себе, сами стали подходить к нему и рассказывать наперебой, что такое школа и как там хорошо.

— Инна, а ты в школу хочешь? — поинтересовался сосед.

Девочка нехотя подошла к нему. Мама её учила всегда говорить правду. Но что она могла сказать соседу, если не знала, что такое школа? Конечно, от старших она слышала, чем там занимаются, но ей это всё было незнакомо. И как она могла сказать «Хочу!», если даже понятия не имела, что такое школа?

Когда ребята рассказывали дяде Пете, как хорошо в школе и что они очень сильно хотят туда, Инна отметила для себя: «Откуда ребята знают, ведь они ещё не ходили туда?»

— Не хочу! — ответила Инна.

— Ну, зато честно, — рассмеялся дядя Петя.

Девочка поняла, что своим ответом удовлетворила соседа, и снова побежала к ребятам.

И вот наступил этот день — первое сентября.

На Инну надели красивую новенькую форму с белым атласным воротничком и манжетами, сверху формы повязали накрахмаленный белый фартук, а на голову огромный бант. Лара, которая уже училась во втором классе, держала в руках два букета: один свой, другой Иннин.

После торжественной линейки дети знакомились друг с другом и с учителем. Было много знакомых ребят, например, Лиза, которая жила по соседству. Инна очень осторожно отнеслась ко всему новому: бегать, прыгать не стала (этим она любила заниматься у себя во дворе с кошкой Муркой и собакой Жулькой).

Учитель рассказывала ребятам про школу. Инна слу-

шала внимательно, и всё же до конца не понимала, для чего надо ходить в неё, если писать печатными буквами она умеет и читать по слогам тоже. Но что-то внутри подсказывало, что это неизбежно!

Придя домой, Инна переоделась и вышла во двор. Она рассказала Жульке, что пошла в первый класс и что теперь реже будет видеться с ним. Мурка, увидев девочку, спрыгнула с дерева и, мурлыча, видимо, сочувствуя, стала тереться о её ногу.

Потом девочка села на свою любимую завалинку, закрыла глаза, и лучики солнца, как прежде, стали ласкать её лицо. Было тепло и уютно: перед глазами рисовались какие-то картинки.

Но скрипнула калитка, и Инна оказалась в действительности. Навстречу к ней шла мама с авоськой. Инна подбежала к маме и взяла из её рук хозяйственную сетку, в которой лежали яблоки, булочки и конфеты.

— Ну, Инна, какие у тебя впечатления от школы? — поинтересовалась мама.

— Не знаю, — вздохнула Инна.

— Тебе, что, не понравилось?

— Мама, а в школу ходить надо каждый день? — спросила Инна.

— Конечно, кроме выходных. И так десять лет.

Инна тихонько прошла в прихожую и легла на любимый диванчик, который стоял у стены.

— Десять лет? — удивлённо протянула Инна и погрузилась в размышления.

А как же игры с ребятами? Когда же в них играть? И на своей любимой завалинке некогда будет сидеть?

Но потом девочка вспомнила, что ребята тоже будут ходить в школу, а значит, всё равно не с кем будет играть, пока они будут в школе. От сердца немного отлегло.

— Ну что ж, раз это так неизбежно, буду ходить в школу, — окончательно определилась для себя девочка.

Мухтар

Попал Мухтар в руки Ивана маленьким кутёнком, только что открывшим глаза. Он был рождён от породистой овчарки, охранявшей людей, лишенных свободы по приговору суда и находившихся в специальном учреждении — колонии. Иван налаживал там проводку. Электриком он был первоклассным. Весь город знал об этом. Если что-то случалось на щебёночном или военном заводах, звали Ивана. У него и орден имелся за доблестный труд. Жил Иван со своей Марией в двухэтажном доме на два хозяина на подстанции, на которой он и был главным электриком. Вторую половину дома занимал другой электрик со своей семьёй. Дом этот стоял особняком в степи. На много километров рядом не было жилых строений: выше только, на старом Ерментау жили люди, да в посёлке Шахта, располагавшемся ниже, в нескольких километрах от подстанции, там имелась восьмилетняя школа, в которую ходили дети Ивана. Когда настала пора учиться в старших классах, то им приходилось ездить в город на автобусе.

Но вернёмся к Мухтару. На роду у него написано: быть охранником! Конечно, Иван обучал его некоторым командам, которые знал сам, и Мухтар все команды выполнял.

Часто к Белозубовым, вернее, к их детям, летом в гости приезжали двоюродные братья и сёстры. Простор нравился: степь, покрытая шёлковым ковылём, верблю-

жьи сопки, на которых росли колючки, чабрец, заячья капуста, полынка горькая и много другой травы. Белые пушистые облака проплывали над головой низко, их, казалось, можно было достать и потрогать руками. И никого кругом. Дети часто убегали играть в степь с утра и до самого вечера. Тётя Мария не дозовётся, хоть и громко кричать будет! На старом Ерментау вдоль железной дороги тянулся лес, в котором было много разной ягоды: смородина, малина, костяника и самое главное, там находился живой родник с чистой, прохладной водой. Черпая руками водицу из родника, дети опасались, чтобы внутрь не попал живой волос, про который они слышали от старших, чтобы не пророс в желудке. Водица была мягкая, сравнимая с талой. А уж если ягоды попались на пути, значит, голодным точно не останешься! Возвращались домой затемно. Мыли дружно на крыльце ноги в тазу, вытирали их и заходили в дом. Садились за стол ужинать. Затем поднимались на второй этаж по деревянным лестницам, которые по-стариковски скрипели, в детские комнаты. Все дети любили съезжать по перилам вниз, но делали это, когда взрослые находились вне дома, потому что дядя Иван, опасаясь за жизни детей, не позволял им так озорничать. Детей у Ивана с Марией было трое: Аркадий, Николай и Лиза.

Мухтар привычен был к тому, что в доме находился ещё кто-то, кроме хозяйских детей, и понимал, что их тоже надо охранять! Ко всем родственникам пёс относился терпимо, кроме Генки, который его боялся. Мухтар чувствовал это и злорадствовал. Конечно, никакого вреда он не причинял ему, лишь каждый раз напоминал ему о его трусости. Увидев Генку на горизонте, он вытягивался во весь рост, клал морду на передние лапы и щерился в наглой улыбке от предвкушения предстоящего удовольствия. Потом прикрывал глаза, притворяясь спящим. Генка, видя спящего Мухтара, на цыпочках пробирался

к крыльцу. Пёс незаметно для него приоткрывал один глаз и провожал родственника взглядом на определённое расстояние к дому, откуда невозможно было добежать до крыльца и отбежать назад к калитке, потом резко срывался с места и накидывался на Генку, прижимая к забору, вставая на задние лапы, заглядывая ему в лицо и издавая громкое «Гав!». Генка закрывал глаза и, сползая по забору почти в бессознательном состоянии, садился на землю. Мухтар тогда становился рядом с ним на четыре лапы и, заглядывая ему в лицо, снова произносил своё громкое «Гав!».

Если Иван был дома, то ему достаточно было сказать «Фу!», чтобы Мухтар отпустил Генку. Если хозяина не было дома, то несчастный находился под охраной пса до самого прихода дяди Вани.

Ещё Мухтар терпеть не мог кота Мурзика. Ясное дело: живёт дома, спит на хозяйской кровати, ест на кухне из фарфорового блюдца, да ещё и прогуливается по забору вдоль Мухтаровой будки. Тот злится, кидается на него, но не дотягивается.

Ранним субботним утром Мурзик, в очередной раз прохаживаясь по забору, вдруг обнаружил, что на том месте, где должна была находиться морда пса, лежит пустой ошейник.

«Фырр!» — кот за секунду оказался на дереве. С высоты кошачьего полёта он оглядел территорию, на которой где-то рядом должен был находиться пёс. Но Мухтара нигде не было.

— Мурзик! Спускайся вниз! Мухтарка с хозяином на рыбалке! — хрипловатым от природы голосом звала Мария кота, чтобы покормить его.

Но кот не слез с дерева, никакие уговоры Марии не помогли, до тех пор, пока хозяин, не вернулся с рыбалки и не надел на пса ошейник.

На следующий день, в воскресенье, Иван с Марией

уехали на рынок в город. Старший сын Аркадий снял ошейник с Мухтара и впустил его в дом. Дети так часто делали, когда оставались дома одни. Не лишним будет напомнить о том, что пёс был породистым и в его жилах текла кровь охранника, поэтому он сначала осмотрел все комнаты на первом этаже, затем поднялся по лестнице на второй. Аркадий шёл следом. В детской комнате Мухтар обнаружил Мурзика, лежавшего на Лизиной кровати. От неожиданности пёс зарычал.

— Нет, Мухтар! Не здесь! Ты же знаешь, что здесь нельзя! — скомандовал Аркадий.

Пёс продолжал рычать, но не стал приближаться к Мурзику. Кот почувствовал, что находится под защитой, вытянул лапы, потянулся, зевнул и демонстративно повернулся на другой бок.

Мухтар нервно размахивал хвостом, скалился, но ему ничего не оставалось, кроме как спуститься вместе с Аркадием на первый этаж. Аркадий смотрел телевизор, а Мухтар, повернув свою морду к двери, добросовестно нёс свою службу.

Как говорят: «Хочешь проблем с соседями, заведи козу!» Вот Иван и нажил себе проблем, купив коз. Хорошие козы были, породистые, ангорские. Мария вязала шали и носки, которые хорошо раскупались зимой.

Все козы вели себя сносно, кроме одной, которую Светкой назвали за её светлую шерсть и длинные рога. А ещё эта Светка была юркой: могла в любую щёлочку пролезть, несмотря на свои длинные рога. Как она умудрялась это делать, непонятно. Как голова с рогами не застревали в этой самой щели, тоже непонятно. Как-то раз, когда хозяева уехали в город на рынок, Светка пролезла через такую щель в заборе в огород к соседу и объела всё, что в нём росло. Соседи поссорились. Хоть Иван и выругался на Светку, но урожай соседский не вернёшь. В запале он снял с пса ошейник, скомандовал «Фас, Мухтар!»

и зашёл в дом, нервно захлопнув за собой дверь. Какое-то время он возбуждённый ходил по комнатам взад-вперёд и рассуждал: «За всю жизнь на подстанции ни разу мы не поругались с Михалычем. А тут такое!»

Вдруг Иван услышал истошный крик козы и вспомнил, что отдал Мухтару команду «Фас!». Он выбежал во двор и увидел чудовищное зрелище: перед крыльцом лежала мёртвая коза, рядом сидел Мухтар.

— Ты что, Мухтар?! Зачем?! — кричал Иван. — Я же в сердцах крикнул «Фас!». Ты же должен хозяина понимать!

Какое-то время пёс недоумённо смотрел на хозяина, потом отправился в будку.

Три дня он не выходил из неё.

Мария упрашивала Мухтара поесть, но тот отказывался. Лишь когда Иван попросил у него прощения, пёс повернул к нему свою морду и вышел из будки.

Иван пытался оправдаться перед женой и детьми, что, мол, в горячке дал команду, не подумал, что пёс так скоро исполнит её.

— Эх, Мухтарка! Подвёл ты меня под монастырь, — с сожалением в голосе сказал Иван.

Ровно десять лет прожил пёс в этой семье. До последнего дня верой и правдой служил своим хозяевам. Убрался быстро, не причиняя никому неудобств. Другого пса Белозубовы заводить не стали, понимая, что такого, как Мухтар, больше не будет.

Оглавление

Стихи 3
«Молоком парным и хлебом...» 5
«Когда мама пахла мамой...» 6
«Окон голубые ставни...» 7
«Для хроник — отдельный томик...» 8
«Поредели в ноябре...» 10
«Выглянул солнца луч...» 11
«Цвет в окошке неба синий-синий...» 12
«С разноцветною листвой...» 13
«Шелковистые ковры...» 14
«С охапкой жёлтых листьев лес...» 15
«Зреет в огороде...» 16
«А я России моей берёзка...» 17
«Близок мне батюшка-Дон...» 18
«С подоконника синица...» 19
«Рукой прикрываю глаза ...» 20
«А у нас такая жара ...» 21
«Через тьму пробился к свету...» 22
«До зорьки встали рыбаки...» 23
«Запрягает в раданку...» 25
«Под солнцем апрельским, ярким...» 26
«Сквозь настилы прошлогодних...» 27
«...И в небе топится тандыр...» 28
«Видел каждый селянин...» 30
«Предзимье зиму приближало...» 31
«Полосатый мяч — арбуз...» 32
«Месяц август. От жары...» 34
«День янтарный и тягучий...» 35
«Все секретики с подкорки...» 36
«За счастье русской зваться мне...» 37
«Март капелями стучит...» 38

«День, зачатый в чреве ночи…» 39
«Небо серое с лиловым…» 40
«Зимний день. Мороз трескучий…» 41
«Уж кукушка не кукует…» 43
«Люблю ноябрьскую голость…» 44
«Поминальные всё речи…» 45
«Топится банька…» 46
«Вечереет. Осень. Гулко…» 47
«Август. Лето на изломе…» 48
«Месяц август — месяц жнивень…» 49
«Сколько их на свете — Родин…» 50
«В синих пропастях меж облак…» 51
«Изранен ветрами февраль…» 52
«Осени листья — церковные маковки…» 53
«Уже поля чернеют пашнями…» 54
«Бреют флюгеры на крышах…» 55
«Ещё будет много света!..» 57
«Июльский день лучом распятый…» 58
«Влаголюбивая, поэтому с претензией…» 59
«Стихли февральские бури…» 60
«Спешат, как нижутся у храма…» 61
«Старушке снова жарить соль …» 62
«Свечи дрожат пред иконками…» 63
«Мы за вербой ходили, мокрёхоньки…» 64
«За крещенской водицею очередь…» 66
«Задумалась, глядя на небо…» 68
«Суббота. В Храм за ручку…» 69
«Есть в глубинке позабытый…» 71
«Покой с дремотою круша…» 72
«Ты по земле идёшь мессией …» 73
«Почерк аккуратный — пишет школьник…» 74
«Предо мной на фото, сразу…» 75
«Нам остается только память…» 78
«Солдаты возвращают имена…» 79

Рассказы 81
Нюра 83
Поезд во взрослую жизнь 99
Головоломка 134
Присяга 149
Благословенный дом 156
Флюгер 165
Путешествие в центр 170
Первый раз в первый класс 175
Мухтар 180

Ирина Константиновна Вириитина

Земля моя ладанная

Стихи и рассказы

Корректор Елена Кормильцева
Дизайнер обложки Мария Фролова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕ ПЕЧАТАТЬ

ISBN 978-5-0070-2937-7